РОВЕСНИК

№ 7/86
Июль

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ISSN 0131—5994

КАРЛОС
ФОНСЕКА
АМАДОР
ОСНОВАТЕЛЬ
САНДИНИСТСКОГО
ФРОНТА
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ
НИКАРАГУА
ПОСАДИЛ ЗДЕСЬ
ДЕРЕВО ДРУЖБЫ
ВО ВРЕМЯ
VI ВСЕМИРНОГО
ФЕСТИВАЛЯ
МОЛОДЕЖИ
И СТУДЕНТОВ
в МОСКВЕ
(1957)

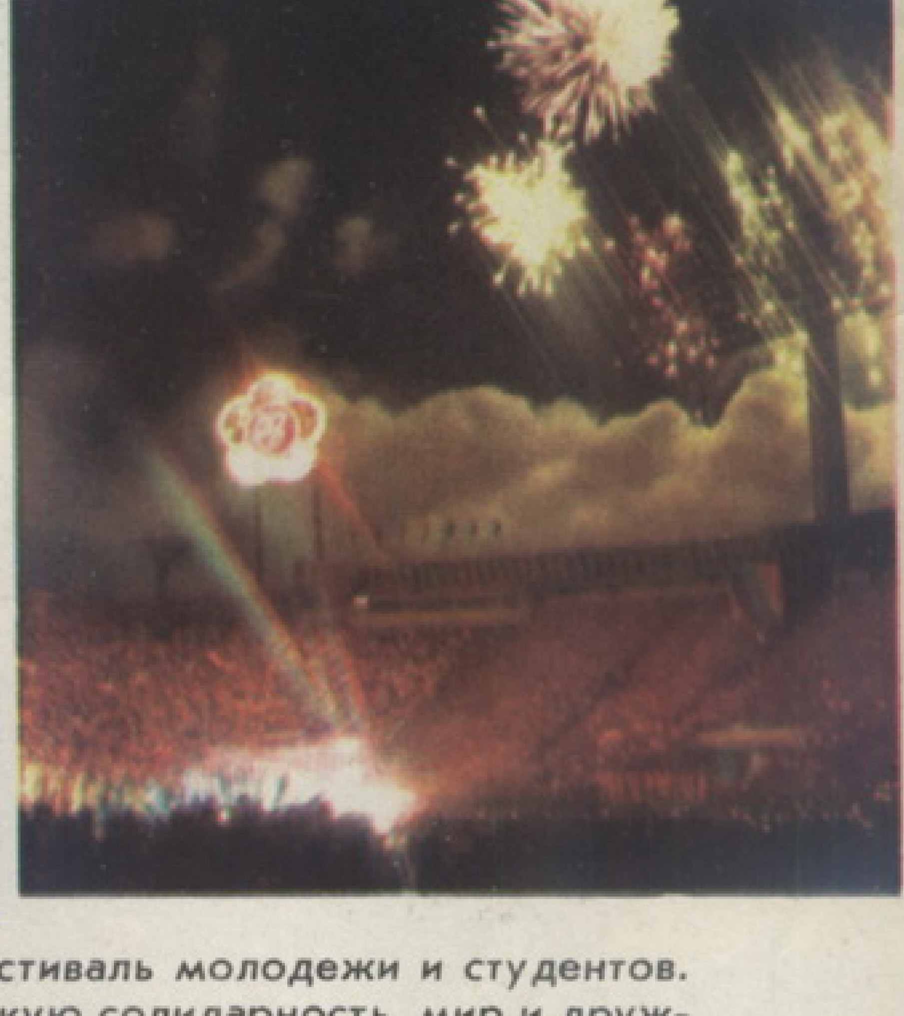
ВАШИНГТОН. Американцы разных политических взглядов и социальных слоев выступают против гонки ядерных вооружений, которую нагнетает Белый дом. Член ЦК Коммунистической партии США Анджела Дэвис, выступая перед 900 студентами и преподавателями Оберлин-колледжа, осудила политику «звездных войн» и военный бюджет на 1987 год, предложенный администрацией. Присутствующие горячо поддержали призыв активизировать действия в защиту мира. Против милитаристской политики Вашингтона выступает Национальный политический конгресс черных женщин, проводят манифестации Объединение миролюбивых американцев, «Американское мирное испытание», Американский комитет за согласие между Востоком и Западом; пикетируют Белый дом представители большой группы женских организаций. Вопрос о прекращении ядерных испытаний, об отказе от так называемой «стратегической оборонной инициативы» находится в фокусе внимания миллионов граждан США. Разумно мыслящие конгрессмены и сенаторы, ученые и рядовые американцы, участники антивоенного движения — все требуют от правительства вступить на путь переговоров с Советским Союзом с целью остановить гонку ядерных вооружений, сохранить жизнь на планете.

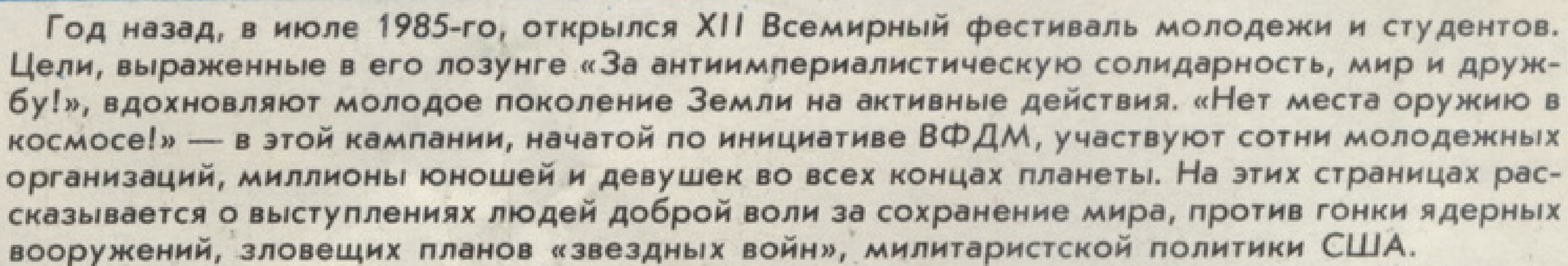
ВИДЖАЯВАД. В этом крупном индийском городе прошел многотысячный митинг в поддержку советских мирных предложений. Выступавшие гневно осудили стремление Вашингтона любой ценой продолжать гонку ядерных вооружений, запугать мир «звездными войнами». «Нет места оружию в космосе!» — заявили представители Всеиндийской организации мира и солидарности. Участники митинга призвали всех людей доброй воли сплотить ряды против милитаристской политики США, грозящей гибелью человечеству. Массовые митинги борцов за мир прошли также в Мадрасе и других городах республики.

...КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН СПРОСИТЬ СЕБЯ: ЧТО СДЕЛАЛ ОН ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ НИКОГДА НЕ БЫЛО БОЛЬШЕ ПУЩЕНО В ХОД — НИ НА ЗЕМЛЕ, НИ В КОСМОСЕ, ЧТОБЫ ОНО ВООБЩЕ БЫЛО УСТРАНЕНО ПОЛНОСТЬЮ И НАВСЕГДА. СПРОСИТЬ И СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ОН МОЖЕТ ДЛЯ НАШЕГО ОБЩЕГО ДОМА — ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ.

М. С. ГОРБАЧЕВ

(Из выступления на торжественном открытии XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов)

К ГОДОВЩИНЕ XII ВСЕМИРНОГО
ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В МОСКВЕ

Год назад, в июле 1985-го, открылся XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Цели, выраженные в его лозунге «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!», вдохновляют молодое поколение Земли на активные действия. «Нет места оружию в космосе!» — в этой кампании, начатой по инициативе ВФДМ, участвуют сотни молодежных организаций, миллионы юношей и девушек во всех концах планеты. На этих страницах рассказывается о выступлениях людей доброй воли за сохранение мира, против гонки ядерных вооружений, зловещих планов «звездных войн», милитаристской политики США.

БУЭНОС-АЙРЕС. В столичном парке «Сармьенто» состоялся митинг миролюбивых сил, на котором выступил Генеральный секретарь Компартии Аргентины Атос Фава, заявивший, что ключевая задача сегодня — это борьба за мир, против гонки ядерных вооружений, против угрозы милитаризации космоса. А. Фава отметил, что коммунисты поддерживают те действия правительства Аргентины, которые направлены на достижение разоружения, утверждение принципа невмешательства во внутренние дела других народов.

СИДНЕЙ. В Программе действий на 1986 год, принятой Социалистической партией Австралии, специальный раздел посвящен движению за мир. В нем намечены массовые выступления в поддержку мирных инициатив Советского Союза, против размещения военных баз США на территории Австралии, против захода военных кораблей США в ее порты, за объединение всех миролюбивых сил. С начала 1986 года — Международного года мира — уже были проведены массовые демонстрации в Сиднее, Аделаиде, Мельбурне и других городах под лозунгами «Остановить гонку ядерных вооружений!», «За мирный космос!», «Мирные переговоры, а не ядерные испытания!».

ЛОНДОН. Движение за ядерное разоружение (СНД) провело массовые акции протеста против гонки ядерных вооружений в большинстве графств Великобритании. Под лозунгом «Скажем «нет» — СОИ!» (СОИ — так называемая «стратегическая оборонная инициатива» — «звездные войны») многотысячная колонна демонстрантов из центральных графств

На снимках: Демонстрации миролюбивых сил в ФРГ (Бонн), в Швейцарии (Женева), в США (Сан-Франциско): активисты антивоенных организаций создали «живое» препятствие уличному движению в знак протеста против «звездных войн».

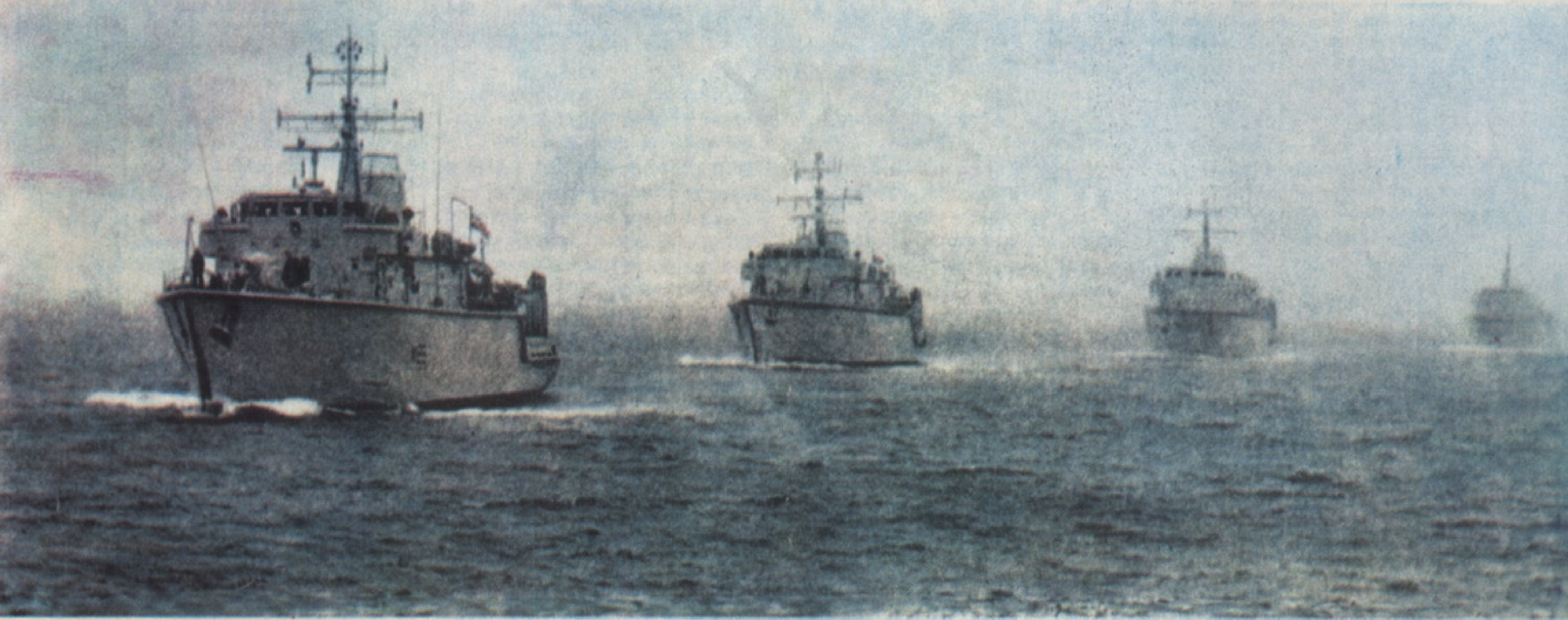
собралась возле главных ворот радарной станции британских ВВС на митинг протеста против милитаризации космоса. Активисты Шеффилдской группы действий за мир провели акцию протеста возле американского разведывательного центра в Менуитхилл, полдня они успешно блокировали вход в шпионский центр. На деньги, собранные объединениями сторонников мира, группа активистов антивоенного движения графства Суррей купила земледельческие орудия и отправилась в марш мира к городу Моулзуорту в графстве Кембриджшир. У ворот военной базы, где США предполагают разместить вторую партию ядерных крылатых ракет, демонстранты провели символическую пахоту в знак протеста против создания «арсеналов смерти» на британской земле.

СМОТРИТЕ

По снимкам, помещенным на этом развороте, можно судить, как размещается национальный доход в сегодняшней Британии. Более 18 миллиардов фунтов стерлингов тратит правительство консерваторов ежегодно на военные приготовления. Это и смертоносные самолеты, и подводные ядерные лодки «Трайдент», и соучастие в подготовке к «звездным войнам», и гигантские морские армады. Львиную долю этих 18 миллиардов фунтов стерлингов получают британские фабриканты оружия. А у кого их отнимают! У трех миллионов безработных. У студентов, которых лишают пособий. У шахтеров и учителей, которым снижают зарплату. У пенсионеров (минувшей зимой в Англии умерло от холода 50 тысяч стариков, сообщила газета «Морнинг стар»). Правительство даже планирует закрыть историческую Гринвичскую обсерваторию из-за якобы непомерных расходов на ее содержание. Так, наживаясь на производстве и закупке орудий смерти, власть имущая Британия делает невыносимой жизнь миллионов своих сограждан.

RUBBISH OFF

ASSEMBLY
POINT

На этих и последующих страницах опубликованы три очерка о судьбах молодых людей из трех стран — Чехословакии, Японии, США. Все они ровесники тех юношей и девушек, что встретились год назад в Москве на XII Всемирном, чтобы обсудить проблемы современного мира, которые имеют непосредственное отношение к молодому поколению, его будущему.

Рассказ о судьбах молодых людей из трех стран — это одновременно рассказ и о самих этих странах, условиях жизни в различных обществах, которые либо дают возможность раскрыться лучшим человеческим качествам, либо чреваты трагедией, часто непоправимой.

...Ребята с чехословацкого завода «Моторлет» весьма озабочены тем, как они выглядят в коллективе. Они мечтают завоевать авторитет, стать мастерами в своем деле. Они задиристо воюют против косности, набивают синяки и шишки, но своего добиваются. С убежденностью молодости четверо парней (и только в этом они схожи) считают, что им все по плечу, они все осилят. Секрет их пробивной настойчивости, наверное, в том, что, утверждая себя в коллективе, они совершают поступки в пользу коллектива, они отстаивают его интересы и тем завоевывают авторитет и доверие.

...Японец Итиро Окума, возможно, самая трагическая фигура среди персонажей трех историй. Он живет словно на необитаемом острове: один на один с враждебным миром, в котором способность к состраданию, чувство собственного достоинства — только помехи в борьбе за существование.

...Эдмунд Перри, герой третьей истории, достаточно сильная от природы натура, чтобы противостоять враждебному миру. Он чувствует себя воплощением надежд семьи, всего чернокожего населения Америки, и это прибавляет ему упорства в стремлении одолеть все препятствия. Нам, как и родным и близким Эдмунда, неизвестно, почему белый полицейский выстрелил в него. Но легко представить, какую звериную ненависть может вызвать в отравленном расизмом мозгу «ниггер-интеллектуал», «ниггер, возомнивший себя равным», тем более что проявление этой ненависти не встречает в «свободном» обществе осуждения и отпора.

Итак, рассказ о разных судьбах, а по существу, о разных мирах, в которых живет современное человечество.

«Ровесник» попросил меня рассказать, как в Чехословакии принимают в партию молодежь, кто они — молодые коммунисты, какие? И вы, мои советские читатели, конечно, уже догадались по фотографиям, что в моем рассказе будет четыре героя. Но не спешите, есть и пятый. Это завод «Моторлет», которому принадлежит немалое место в становлении характеров, в выработке жизненной позиции будущих молодых коммунистов. Объединяет моих героев не просто тот факт, что их принимали кандидатами в члены Коммунистической партии Чехословакии на одном собрании и работают они на одном заводе. Объединяет их увлеченность делом, стремление внести в работу свою долю, свои знания и способности, словом, все то, что приносит удовлетворение жизнью и уверенность в себе. Хотя это вовсе не значит, что жизнь их безмятежна и в ней не бывает трудностей и огорчений.

Сначала немного о «Моторлете»: с первых послевоенных лет это предприятие выпускает моторы для учебных и сельскохозяйственных самолетов. Продукцию завода знают во всем мире и ценят весьма высоко. Сейчас «Моторлет» производит известный «Турболет-410», который входит в десятку лучших машин своей категории. Работать здесь и престижно и ответственно. К «Моторлету» мы еще будем возвращаться в ходе рассказа не раз, а теперь давайте знакомиться с нашей четверкой.

Петр Соукуп, 28 лет, конструктор-исследователь, уже два года работает заместителем главного инженера завода. Спрашиваю, не испугало ли его такое ответственное назначение.

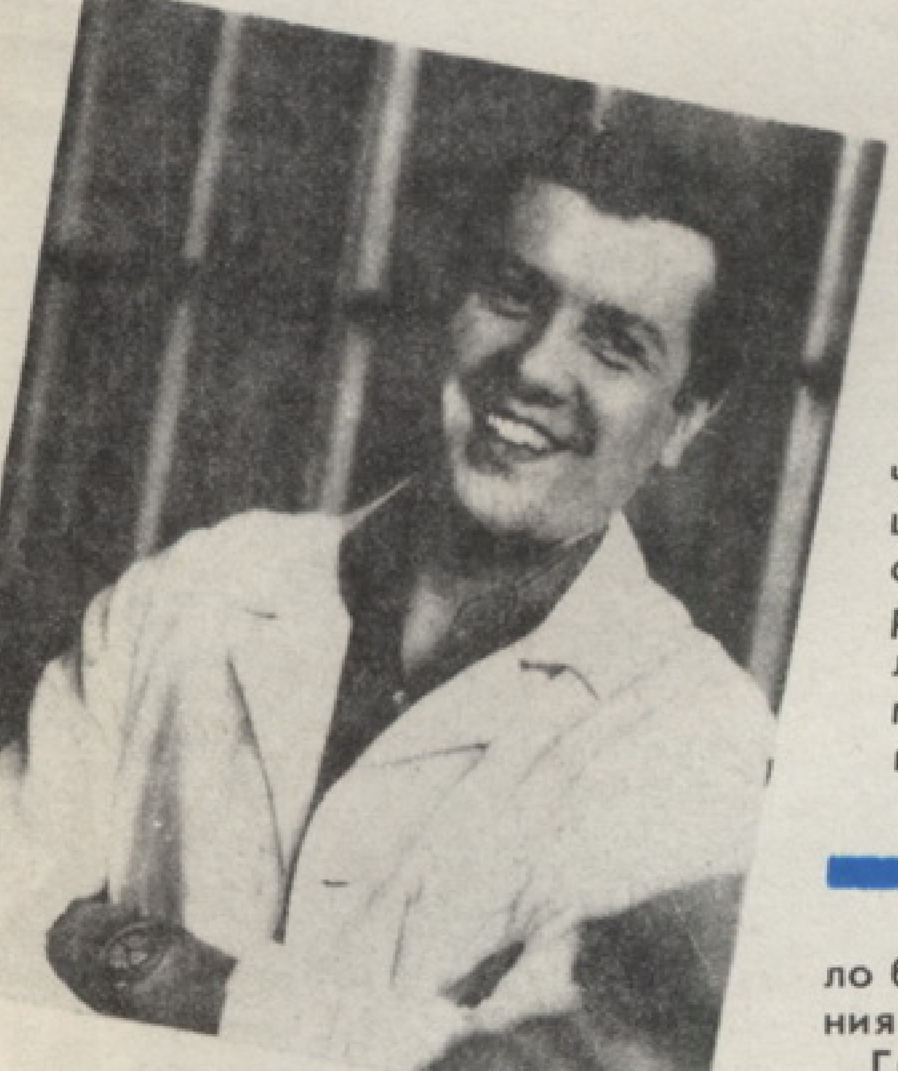
— В вашем вопросе для меня главное слово «ответственное». Конечно, я понимал, что получил огромный аванс доверия. Когда мы говорим о правах молодых, нельзя забывать и об их ответственности перед обществом, коллективом, доверенным делом, самими собой, наконец. Одно без другого становится пустыми словами. На «Моторлете» всегда дело двигалось вперед при участии молодых. Когда наш учебный самолет «Дельфин» завоевал мировые рынки и мы стали монопольными производителями этого типа машин в СЭВ, его создателю Яну Влчку было примерно столько же лет, сколько мне. Теперь он Герой Социалистического Труда, его в республике знают все. Сейчас наш черед принимать эстафету, делать отличные самолеты, поднимать их технический уровень. А это не просто. Раньше многое достигалось энтузиазмом. А теперь нужны энтузиазм, знания и современная техника. Тридцать лет назад, к примеру, инженеры просчитывали деталь с помощью логарифмической линейки, сейчас без ЭВМ не обойтись.

Между прочим, с внедрения ЭВМ и началась моя работа, как вы сказали, на ответственной должности. Многие считали, что на нашем предприятии вычислительная техника не нужна. Мол, стоит дорого, а значит, удорожает производство, и вообще до сих пор обходились и были не хуже других. Такой вот стереотип мышления. А то, что с помощью ЭВМ мы сможем на десяток лет ускорить прогресс в авиамоторах, об этом не думали.

Пришлось пойти против устоявшегося мнения. А инженерный коллектив у нас стабильный, в успехах завода не просто вклад — частица жизни многих конструкторов... Сложно было. Но это в прошлом. Сейчас у инженерного коллектива есть перспективная задача, которую будем решать с помощью ЭВМ.

Задача такая: бывает, что даже самая надежная машина отказывает в воздухе. Мы хотим с помощью ЭВМ просчитать для всех деталей самолета вероятность сбоев. Тогда мы получим машину, почти на сто процентов гаран-

ЧЕТВЕРО С "МОТОРЛЕТА"

Вацлав МАРЕК, корреспондент чехословацкой газеты «Руде право» — для «Ровесника»
Фото Яна ШЛИПОХА

На снимках: рабочий инструментального цеха Петр Грунек; заместитель главного инженера Петр Соукуп; контролер ОТК Иван Пршебыл; главный металлург Зденек Лоуда.

тированную от неполадок. Это в перспективе. А текущая работа — новые модели самолетов с учетом всех достижений технического прогресса. Они сейчас проходят испытания и репутацию «Моторлета», я уверен, не уронят.

Зденек Лоуда, 28 лет, инженер. На дверях его кабинета табличка: главный металлург. Он и его коллеги работают со своеобразными приборами. Они не создают, а разрушают. Рвут, ломают, перегревают, переохлаждают, изнашивают. Каждая деталь авиамотора проходит такое испытание.

— Расплющить подшипник проще, чем руководителю завоевать авторитет,— шутит Зденек и уже серьезно добавляет: — Путь есть, он прост и очевиден — честность. Честность как свежий воздух. Все дышат, и все здоровы. Покривил душой, и болезнь расползлась. Вот пример. Во время испытаний лопнула деталь новой модели мотора. Перед нами поставили задачу — определить, почему материал «устал». Причин может быть сотни. Мы определили — просчет конструктора, уважаемого специалиста с большим опытом. Проще было не называть виновного. Но это не исключило бы возможность повторения просчета.

Главный металлург Лоуда и его отдел сделали по-другому: они несколько раз перепроверили свой вывод, и когда получили абсолютную уверенность, предъявили опытному конструктору свои расчеты.

Зденек Лоуда. «Для коллектива это было нравственное испытание. Мы не только заявили о своей технической грамотности, но и не побоялись поступить честно.

А недавно был такой не очень приятный эпизод. Работают в отделе главного металлурга 20 человек, работают давно, друг друга хорошо знают. И премию всегда делили поровну. Понятно, почему. Чтобы не портить отношения. Хотя, конечно, все знали, кто как работает. Но так вроде проще. А я решил распределить очередную премию по труду. Это было на собрании отдела. Обиженные стали говорить, что я-де разжигаю конкуренцию, ломаю традиции, много себе позволяю... Но большинство поддержало меня. Это же нормально: лучше работаешь — больше получаешь...»

В разговор вступает Петр Соукуп.

— Люди всегда особенно внимательны к новому руководителю. Оценит ли он оригинальную идею, если она идет не от него, будет ли отстаивать ее. И конечно, все ждут от руководителя справедливости — без нее просто руки опускаются, каждый по себе знает.

— Справедливость надо самим устанавливать, а не ждать, что кто-то сверху ее на блюдечке подаст.

Это говорит еще один герой моего рассказа — Петр Грунек. Ему 20 лет, и работает он в инструментальном цехе. Об инструментальном цехе мне рассказали в парткоме. Дело было так. Цех этот для завода очень важен, здесь лучшие мастера, сюда и конструкторы за советом приходят, а расценки за работу самые низкие. Когда их вводили, лет двадцать, а то и больше, назад, кто-то допустил ошибку. Многие об этом знали, но каждый ждал, когда придет предписание — расценки пересмотреть. Мастера-энтузиасты ворчали, но из цеха не уходили, а вот смена им не росла. Ребята из училищ в инструментальный не шли — мало платят. А Грунек пошел.

— Почему? — спрашиваю у него.

— Вы знаете, какие мастера у нас работают? Вы нашего Ярослава Стеглика знаете? Ему конструктор эскизик в общих чертах, а он все сам додумает и рассчитает.

И представьте, такой мастер на тысячу крон (сто рублей.— *Ред.*) получает меньше, чем рядовой токарь на основном производстве. Это же явная несправедливость. Пошли мы с ребятами в профсоюз цеха. Там говорят — без вас знаем, да что поделаешь — менять расценки дело не шуточное. А мы говорим — так давайте решать его всерьез, ведь мы не о себе хлопочем. Нам еще учиться и учиться работать как мастера, а за мастеров обидно. Пошли в завком. Там тоже говорят — без вас знаем. «А знаете, так почему ничего не делаете?» Короче, настояли мы на своем, на заседании завкома обсудили это дело. И оказалось, вопрос можно решить. Сейчас в инструментальном с оплатой все в порядке.

У самого же меня есть заботы, которые никакому завкому не решить. С ними должен справиться я сам. Посмотришь на Стеглика, на других наших асов... Мало я умею. Пока работаю как бы в половину того, что они могут. И тут уж все от меня зависит — стану я мастером или нет.

— Грунек работает неплохо,— говорит Петр Соукуп.— И очень старается. Но, естественно, пока до уровня опытных мастеров не дотягивает. Мы думаем, что со временем он и еще несколько ребят из инструментального станут ядром цеха, они выпускники производственных училищ и парни грамотные.

— А я с Грунеком согласен,— говорит Иван Пршебыл, еще один из четверки.— Самое трудное — это сказать правду. И может быть, труднее ее сказать себе, чем другим.

Вот мы пришли из училища на завод, какой это знаменитый завод, знали, и у каждого свое представление о себе, о работе. А с жизнью столкнулись — представления-то наши с реальностью и рядом не стоят. Вот и надо откровенно признать: училище дало фундамент, а дом строить каждый будет сам. Научиться работать за меня или за Грунека никто не может. Тут все от нас зависит.

У нас в ОТК издавна повелось так: если в детали брак — никто конкретного виновника не ищет. В рапорте пишут «технологический просчет», и, как говорится, концы в воду. Все равно, мол, штраф с допустившего брак чисто символический — гроши какие-то. Но ведь так от брака никогда не отделаться. И мы решили эту традицию поломать. В рапорте указываем конкретного виновника брака. Первым это пришлось сделать мне. Ох и неприятно было.

Вот такие разные, но, в общем-то, обычные ребята пришли на завод. Пришли, когда планка успехов «Моторлета» на рекордной отметке. Поднимут ли они ее выше?

Говорит Зденек Лоуда: «Как это ни странно звучит, но именно нам надо думать о притоке новых сил. И тогда в содружестве поколений будут рождаться новые модели. Пока у нас, Петр уже говорил об этом, не все хорошо с вычислительной техникой. Наша организация Социалистического союза молодежи (ССМ) взяла это дело на себя. Прошли по школам, нашли энтузиастов. Теперь ведущие инженеры работают с ними вместе...»

Иван Пршебыл: «А «Кантор»? (Так называется мо-

дель нового учебного самолета.) Сконструировал ее Ян Влчек, сын того знаменитого конструктора, о котором мы говорили. Сначала никто не хотел и слушать нас. «Зачем нужна новая модель, еще и старая хороша». Помог Центр науки и техники при ЦК ССМ. Модель «Кантора» была на общегосударственной выставке творчества молодых «Зенит». Это как бы показало ее перспективность. Теперь мы создали комплексную бригаду и в нерабочее время готовим к производству мотор нового самолета».

Петр Грунек: «Иногда бывает так: лень думать, лень работать, и человек прячется за формальное соблюдение правил. Формализм — страшное дело. Вызвали както нас в одно учреждение. Зачем, непонятно. Но раз вызвали — пошли. И что же? Оказывается, мы награждены как лучший коллектив бригад социалистического труда. Показывают нам дневник бригады, который кто-то заполнил за нас. А мы и не знали, что участвуем в соревновании, и на заводе никто не знал. Зато галочки в отчете стоят на месте. Кому это надо? Мы отказались от такой награды».

Зденек Лоуда: «Не подумайте, что мы жалуемся. Союз молодежи — организация молодых. Она будет такой, какой мы ее сделаем. А начинать работу надо с себя».

Ярослав Медржик, кавалер ордена Труда, всю жизнь проработавший на «Моторлете», давал рекомендацию в партию одному из четверки. Он рассказывает: «Ребята они ершистые, уверенные. Иногда мне их взгляды совсем не по нутру. Но биться за них они умеют. Я строил этот завод, прожил с ним всю жизнь. Этим парням я его без опаски передаю».

Пятьдесят рук поднялось в знак согласия. Против — никого. Инженеры Петр Соукуп и Зденек Лоуда, рабочие Иван Пршебыл и Петр Грунек стали кандидатами в члены Коммунистической партии Чехословакии. Пятьдесят членов партии, голосовавшие за них на собрании, выразили доверие и поручились за четырех парней из растущей смены.

Перевела с чешского
Т. ОСАДЧЕНКО

— Сэнсэй[1], мы будем вам бесконечно благодарны.— Окума то и дело порывался встать с кресла, в которое его усадил учитель. Жена Окума, по случаю визита к учителю нарядившаяся в праздничное кимоно — все знали, что преподаватель истории Симидзу европейского платья не одобряет,— сесть не решилась и безостановочно кланялась.

— Мальчишка он неплохой и, говорят, не без способностей. По физике и химии — первый в классе. Мог бы поступить в любой префектуральный университет. Но вбил себе в голову — стану врачом,— продолжал Окума. Его волнение выдавали сильно дрожавшие руки, наконец он ухватился за подлокотники так крепко, что побелели костяшки пальцев.— А в медицинские вузы самый большой конкурс. Какие у него шансы? Мы с женой набрали сверхурочных, работаем в субботу и воскресенье: наняли ему двух учителей. Но они ничего не могут гарантировать. А из школы, где он учится, еще никто в медицинский не поступал.

Мы вот чего боимся,— понизил голос Окума.— Если он не поступит... Словом, он этого не переживет. Провалится на экзаменах, решит, что опозорил семью...

В комнате воцарилось молчание. Учитель Симидзу разглядывал отца Итиро Окума. Парень действительно был прилежным, хотя на уроках истории не блистал и особого интереса к великому прошлому Японии у него не было. «Он еще не осознал себя японцем,— подумал учитель Симидзу.— В нем нужно пробудить национальный дух».

— Я попробую помочь вашему сыну,— прервал наконец молчание Симидзу,— потому что сознаю свою ответственность за судьбу каждого юноши, вверенного моему попечению. Итиро заканчивает одиннадцатый класс, впереди у него целый год, если использовать оставшееся время с толком, он, уверен, сможет успешно сдать вступительные экзамены. Я напишу своему другу Тэраути, он директор частной школы под Токио. Он мне кое-

[1] *Вежливое обращение к уважаемому человеку.— Прим. авт.*

ИСТОРИЯ ИТИРО ОКУМА

Леонид МЛЕЧИН

чем обязан и, думаю, не откажет. Учеба там дорогое удовольствие, но Тэраути разработал идеальную методику: из ста его выпускников девяносто становятся студентами.

Учитель Симидзу оказался человеком дела, через неделю было получено разрешение на переход в школу Тэраути — и счет. Год обучения в школе стоил миллион иен, первый взнос — двести тысяч. Сумма ошеломила Окума-старшего. Таких денег в семье не было, оставался один путь — обратиться к ростовщику, а этого супруги Окума боялись больше всего. Окума одолжил требуемую сумму под десять процентов годовых.

В последний вечер перед отъездом в новую школу Итиро Окума пошел проститься с Сабуро, соседом по парте. Тот лежал в больнице с язвой желудка. Врачи установили, что болезнь — результат стресса из-за переутомления. Почти каждый день Сабуро навещала мать и приносила — дабы его пребывание в больнице не прошло впустую — школьные задания. «Я совсем от вас не отстал»,— гордо объявил он Итиро. Сабуро считал, что не имеет права болеть: он подводит родителей, которые возлагали на него столько надежд. Бедный Сабуро, он не знал, что за последние годы в Токио пришлось открыть двенадцать клиник специально для лечения стрессов у школьников.

Итиро стало не по себе от завистливого взгляда приятеля: еще бы, он был здоров, мог заниматься круглые сутки, к тому же ему несказанно повезло — он переходил в элитарную школу, что автоматически гарантировало успех в жизни.

В половине шестого прозвучал резкий звонок, и почти сразу же Итиро почувствовал, что его трясут за плечо.

— Скорее,— закричал сосед по комнате,— сэнсэй не терпит опозданий.

Директор Тэраути появился, когда шеренга юношей замерла и по флагштоку пополз вверх императорский флаг. Директор медленно обошел шеренгу, сделал несколько замечаний относительно внешнего вида школьников. Приблизившись к Итиро, презрительно осмотрел его с головы до ног.

— За неподобающий сыну Японии внешний вид на первый раз ограничусь назначением в штрафную команду,— бросил Тэраути.

После более чем легкого завтрака школьники быстро разошлись по классам. У каждого преподавателя в руке был хронометр, который, видимо, считался важнейшим инструментом воспитания. Весь день, начиная с умывания, был строго регламентирован: вымыться до пояса — одна минута, почистить зубы — полминуты...

Учебников Тэраути не признавал: ребятам раздали ксерокопии пособий, составленных в школе. Преподаватель несколько минут объяснял суть изучаемого раздела, после чего следовало наизусть выучить двенадцать страниц текста — это, как объяснил Итиро сосед по парте, полный ответ на экзаменационный вопрос для поступающих в Токийский университет.

Слова «Токийский университет» прозвучали со святым благоговением. В иерархии японских высших учебных заведений, внизу которой малопрестижные и малоперспективные провинциальные институты (с их дипломом особенно не на что рассчитывать), Токийский университет венчает пирамиду. Его выпускники добиваются высших постов в правительственных учреждениях, политических партиях, в правлениях банков и ведущих концернов. Вступить в жизнь с дипломом Токийского университета — значит, избавить себя от главной заботы: найти работу. Ведь когда японец подает заявление о приеме на работу, в отделе кадров прежде всего смотрят, хороший ли университет он закончил, а уж потом на достоинства претендента на должность.

Заученный наизусть текст нужно было пересказать преподавателю энергично, ясно, а главное — быстро: включен неизменный хронометр. Робкий по природе, Итиро растерялся, он не привык к зубрежке, плохо запоминал тексты, отвечал медленно, неуверенно.

Преподаватель физики, к которой у Итиро, как считали в старой школе, были особые способности, с досадой выключил секундомер и сказал:

— Так дело не пойдет. После уроков пойдешь со мной к директору.

Когда занятия закончились, вся школа строем отправилась в спортивный зал, а Итиро предстал пред директором.

Выслушав преподавателя, Тэраути презрительно посмотрел на Итиро:

— Ты ни на что не годишься, сырой материал. Быть робким, держаться в тени — это недостойно японца. И ты можешь не сомневаться, мы выбьем из тебя эти недостатки. Я сделаю из тебя другого человека. Ты уйдешь отсюда настоящим сыном Великой Японии и всю жизнь будешь говорить нам спасибо.

Воспитание из Итиро «настоящего японца» началось той же ночью.

Ему не дали поспать и трех часов. Преподаватель грубо сорвал с него одеяло и приказал встать. Через несколько минут он занял место в шеренге заспанных ребят.

— Для всех, кто плохо успевает,— объявил преподаватель,— директор назначил ночной марш. Вам предстоит пройти сорок километров за восемь часов. Тем, кто не уложится в это время, предоставляется возможность повторить марш.

Первые десять километров школьники, подгоняемые ночной прохладой, прошли все вместе. Потом колонна начала растягиваться. Итиро и другие новички оказались в хвосте. Вскоре ушедшая далеко вперед основная группа совершенно растворилась в непроглядной тьме. Трое новичков одолели еще километров пятнадцать. Начало светать. Итиро понял, что они никак не укладываются в отведенное время. Нужно было ускорить шаг, но он и так еле передвигал ноги. В неподходящих для таких длительных прогулок ботинках ступни горели, как ошпаренные кипятком.

...После полудня они добрались до полоски с надписью «финиш». Преподаватели и школьники встретили их насмешками.

Итиро ткнулся в комнату, на двери которой красовалась табличка «медпункт», и попросил какую-нибудь мазь для стертых ног: он пришел в носках, ботинки надеть было невозможно. Здоровый детина в белом халате, услышав его просьбу, засмеялся и прогнал его.

Участвовавшие в ночном марше целый день просидели на уроках. После ужина Итиро вызвали в кабинет директора.

— Ты думаешь, я намерен терпеть подобное безобразие? В моей школе не опаздывают,— прокричал директор, встал из-за стола и подошел к Итиро.— Как ты стоишь? Ты что, вообще не знаешь, что такое дисциплина?— Тэраути выглянул в коридор и позвал двух младших преподавателей.— Обработайте его.

Преподаватели сорвали с Итиро рубашку и принялись «обрабатывать» бамбуковыми палками. От боли, унижения и злобы он заплакал.

— Слезы — это хорошо,— размышлял вслух Тэраути,— необходимо раскрыть душу новичка для новых идей, которые мы внедрим в него. Слезы — признак, свидетельствующий, что обучение идет успешно.

В тот вечер преподаватели так же наказали и других опоздавших.

Один из них на следующее утро проснулся еще до подъема и голый выбежал на

школьный двор с чашкой в руке.

— Хотите выпить яда и покончить со всем этим? — спрашивал он у всех, кто попадался ему на пути.— Один глоток — и свобода.

Появившийся Тэраути велел преподавателям загнать школьников в классы — утренний кросс был отменен.

Помешавшегося школьника отправили в клинику для нервнобольных. Вызванным родителям объяснили, что мальчик-де переутомился. Они не удивились: напряженные занятия типичны для японской школы точно так же, как и нервные срывы от переутомления.

Итиро сразу почувствовал, как класс отгородился от него. Поэтому он очень удивился, когда во время очередного ночного марша к нему пристроился невысокий худенький паренек, который отнюдь не числился в отстающих. Его звали Хироси.

— Не отчаивайся,— говорил Хироси.— Собери волю, сожми зубы. Потерпи немного и привыкнешь. Я здесь третий год и, видишь, притерся. Для Тэраути главное — сломать человека. Это же не школа, а фабрика по изготовлению жестоких и беспощадных роботов.

— А почему же ты учишься здесь? — спросил Итиро.

— Потому, почему и ты,— буркнул Хироси.— Хочу поступить в частный университет Васэда, сам понимаешь, второй по престижности университет. А Тэраути может подготовить в Васэда, потому что, все знают, его ученики лояльны, усердны и послушны. А для таких, как мы с тобой, его школа — единственный шанс. Мы же не прошли всю цепочку: детский сад — элитарная школа — элитарный университет. У моих родителей не было столько денег, чтобы пустить меня по этому пути.

От слов Хироси Итиро пришел в отчаяние: что делать? Все в нем бунтовало против методов директора. Наверное, потому, что он не был «настоящим японцем»: чувство собственного достоинства оказалось сильнее жажды успеха. Единственное, что удерживало его в школе,— боязнь огорчить родителей и впитанная с молоком матери готовность подчиняться — качество, веками воспитываемое в японцах...

Самого Итиро больше всего огорчало, что он все время получал плохие отметки. В старой школе он был одним из лучших. Здесь же никак не мог покинуть свое место в заднем правом углу класса. У каждого ученика было строго определенное место. Два раза в месяц с учетом полученных оценок учеников пересаживали: отличники занимали места впереди слева, отстающие забивались в правый угол.

Рядом с классной доской висел лист, на котором отмечались успехи каждого ученика. Директор Тэраути считал, что это подстегивает ребят лучше учиться. Итиро же думал, что этот лист вызывает только зависть и злобу. Ребята были готовы сделать любую пакость друг другу ради того, чтобы на строчку выше подняться в листе успехов. Они жили по правилу «Твой соученик — твой главный соперник и враг», как было написано в экзаменационной ведомости.

Итиро очень старался, но оценки у него были совсем неважные. Его способности к физике и химии здесь ничего не значили, в школе Тэраути важнее было бойко отчеканить выученный наизусть текст для развернутого ответа на экзамене. Директор довел до совершенства древнее правило: пальма первенства отдается не спобному к творчеству гению, прокладывающему новые дороги, а тому, кто старательно копирует сделанное учителем...

С самого утра у Итиро невыносимо кололо в боку. Резкая боль мешала сосредоточиться. Он пошел в медпункт.

— Живот болит? Есть надо меньше,— недружелюбно посоветовал тот же здоровяк в белом халате.

Итиро опоздал на следующий урок и был наказан очередным ночным маршем. Он попытался объяснить, что у него сильная боль и он не может идти. Преподаватель грубо оборвал его.

В двенадцать ночи они вышли из школьного двора. К обеду вернулись все, кроме Итиро.

Директор Тэраути не мог удержаться от негодования.

— Итиро Окума подрывает моральный дух моей школы. Я не намерен больше терпеть. Я приложил столько усилий, чтобы провести духовную мобилизацию наших учащихся, а вы не можете справиться с одним слюнтяем. Ваш долг перед родиной — закалить его волю, привить ему качества воина... Вы забыли о традициях! Как создавалась императорская армия? Из полуграмотных деревенских парней и худосочных студентов делали жестоких и бесстрашных воинов отнюдь не уговорами и лекциями. Капитуляция Японии в 1945-м привела к ужасающим последствиям. Молодежь лишилась веры, а учителя власти. Молодые японцы начинают бунтовать. Вернуть старый японский дух, сделать из изнеженных юнцов истинных воинов можно одним путем: палкой и лишениями, которые закалят их...

Директор Тэраути, наверное, еще долго упивался бы своим красноречием перед подавленными преподавателями, если бы его не прервал звонок из полиции.

— Патрульная машина подобрала на лесной дороге вашего ученика Итиро Окума в бессознательном состоянии и доставила в больницу. Каким образом он оказался так далеко от школы во время приступа аппендицита?

Больше никто не задавал Тэраути такого бестактного вопроса: влиятельные покровители директора сумели доказать полную «неуместность» каких-либо вопросов видному педагогу.

Родителям Итиро о ночных маршах, естественно, ничего не рассказали. Мальчик чуть не погиб по собственной воле, объяснили им: терпел до последнего вместо того, чтобы обратиться к врачу, который целыми днями дежурит в школе.

...Сабуро очень удивился, увидев, как по коридору больницы в каталке провезли его бывшего одноклассника Итиро Окума.

Ранним утром во вторник тринадцатого июня немногим более двенадцати часов спустя после того, как Эдмунд Перри был убит полицейским Ли Ван Хоутеном, семья и друзья погибшего собрались в гостиной дома Перри. Жестокий, несправедливый мир, который им так долго удавалось удерживать за порогом, нанес страшный удар. Николь Перри, умная, обычно веселая четырнадцатилетняя девочка, молча хлопотала около матери. Джон Перри, широкоплечий девятнадцатилетний студент инженерного факультета Корнеллского университета, тоже молчал.

В центре комнаты сидела мать, Вероника Перри. «Боже милостивый,— шептала она,— я всегда молилась тебе. Скажи же, за что мне такое несчастье?»

Отложив Библию, миссис Перри взяла дневник учащегося академии «Филлипс Экзетер». Там фотография Эдмунда. На снимке он стоит, прислонившись к кирпичной стене. Одна нога на земле, вторая небрежно касается кирпича. Поза свободная. На нем двухцветный спортивный костюм, руки в карманах брюк. Вид независимый. Взгляд устремлен мимо камеры куда-то в пространство, легкая улыбка на широком темнокожем лице.

Миссис Перри долго смотрела на фотографию и все время шептала как бы себе самой: «Вот что написал мой мальчик: «Прощай, «Экзетер», ты многому научил меня, многое мне открыл... Да благословит тебя бог. Многое из того, что я увидел, мне было не по душе, а многое из того, чему я научился, мне лучше бы не знать. Тем не менее я должен был через это пройти, потому что так и не смог научиться не учиться. Жаль, что мы расстаемся не слишком большими друзьями, но теперь это неважно: мы расстаемся. Постарайся приспособиться к меняющемуся миру, как пытаюсь я».

Миссис Перри закрыла дневник. Все-таки этот мир убил ее сына, но она все еще не могла поверить в это.

По официальной версии, данной полицией, Эдмунд Перри и его сообщник, до сих пор неизвестный, напали на Ли Ван Хоутена в половине десятого вечера двенадцатого июня. Одетый в штат-

ПОЧЕМУ УБИЛИ ЭДМУНДА ПЕРРИ?

Нельсон ДЖОРДЖ,
американский журналист

Эдмунд Перри в академии «Филлипс Экзетер».

ское, Ли Ван Хоутен вел наблюдение на Морнингсайд-драйв в районе больницы святого Люка. Он должен был стоять в поле зрения наряда полиции, находившегося в патрульной машине, но неизвестно по какой причине его потеряли из вида. Ван Хоутен утверждает, что на него напали сзади, повалили, и в целях самообороны он был вынужден три раза выстрелить. Одна из пуль попала Перри в живот. Если верить словам этого двадцатичетырехлетнего полицейского с двухлетним стажем работы в полиции, то он пустил в ход оружие по необходимости.

Эдмунд Перри не имел ни уголовного прошлого, ни склонности к насилию. Иначе никто не подверг бы сомнению версию полиции и не заметил несовпадения, которыми пестрит официальный отчет. Биография Перри оказалась чиста. Конечно, бывает, что и приличные молодые люди иногда совершают дурные поступки, но в свои семнадцать лет Эдмунд Перри

столь многого достиг вопреки столь многим препятствиям, а обстоятельства, при которых оборвалась его жизнь, настолько запутанны, что невольно возникает подозрение, что в 26-м полицейском участке хотели бы скрыть истинную картину.

Может статься, что виной Эдмунда Перри, подобно столь многим в этом городе, была его темная кожа?

ЖИЗНЬ ЭДМУНДА. Уже несколько поколений Перри живут в Гарлеме на 114-й улице. Вдоль 8-й авеню, приблизительно между 112-й и 118-й улицами, и в особенности на 116-й улице, идет открытая торговля наркотиками по меньшей мере еще с того времени, когда Эдмунд Перри делал свои первые шаги. Там предлагают легкий способ забвения, в то время как полиция наблюдает и ничего не делает.

«Наркомания практически исключает для подростков со 114-й улицы возможность чего-то достичь в жизни,— говорит Чарлз Мозес, репортер газеты «Ньюсдей», который вел в классе, где учился Эдмунд, курс основ газетного дела.— Родители ведут безуспешную борьбу с торговцами наркотиками, но те хорошо организованы, у них есть деньги. Они могут позволить себе отдать часть наркотиков бесплатно, чтобы вовлечь подростков в наркоманию». Эдмунд вырос в этом мире, но не поддался его влиянию. Рассказывая репортеру «Нью-Йорк таймс» о 114-й улице, он сказал: «Это Гарлем. Вырасти здесь не плохо и не хорошо. Моя мать научила меня: мир гораздо шире».

«Он всегда выделялся среди других учеников,— говорит И. Пламмер, классный руководитель Эдмунда в школе Уэдлей.— В семь лет он читал и знал математику как двенадцатилетний. В двенадцать вместе с братом участвовал в поэтических чтениях в Музее изящных искусств «Метрополитэн». Вот отрывок из того, что он прочел:

Живи я в Египте,
Я не хотел бы иметь
львиную маску
Или что-то еще вместо
собственного лица...»

Эдмунда интересовали не только книги. Он строил модели самолетов, что, по его собственным словам, было хорошей тренировкой для рук, тогда он хотел стать хирургом. По семейной традиции Эдмунд активно работал в молодежной баптистской организации. Он неплохо танцевал, так говорят девушки, которым довелось быть его партнершами. Говорил по-испански настолько хорошо, что изумлял друзей беглостью и словарным запасом речи. Кроме того, как многие городские подростки, Эдмунд был фанатиком баскетбола, считая его чем-то бо́льшим, нежели просто вид спорта.

В школе Уэдлей побывал председатель приемной комиссии академии «Филлипс Экзетер» Джон Черни. Ему представили Эдмунда. «Он сразу понравился,— вспоминает Черни,— уверенностью в себе. Он верил в свою счастливую звезду и не признавал сомнений. В школе о нем были самого высокого мнения». Пользуясь возможностями благотворительной программы «Лучшее будущее», благодаря которой дети городской бедноты иногда попадают в лучшие учебные заведения страны, Черни ввел четырнадцатилетнего мальчишку в мир, законы которого значительно отличались от нравов 114-й улицы.

«Экзетер — город в штате Нью-Гэмпшир с населением 12 тысяч человек,— читаем в рекламном проспекте академии.— В нем расположена прокуратура штата, общественная библиотека, семь церквей и одно из престижных средних учебных заведений. Его тенистые улицы и окрашенные в белый цвет дома, построенные в основном в колониальном стиле, придают ему характернейшие черты провинциального города». Экзетер — один из старейших городов Нью-Гэмпшира, расположен в пятидесяти милях к северу от Бостона. Зимой там дьявольски холодно. Если быть до конца откровенным, то городок является всего лишь придатком к академии «Филлипс Экзетер», основанной в 1781 году и входящей в число наиболее уважаемых подготовительных школ в США. Библиотека академии насчитывает двести пятьдесят тысяч томов. Обучение организовано по «системе Харкнесса» — традиционная обстановка класса заменена круглым столом, за которым размещаются четырнадцать учащихся. В 1984/85 учебном году среди девятиста семидесяти учащихся было всего сорок черных и выходцев из Латинской Америки. Плата за обучение, включая жилье и питание, составляет девять с половиной тысяч долларов в год.

Короче говоря, Эдмунд Перри в течение четырех лет по восемь месяцев в году находился в компании сыновей богатейших семей Америки, соревнуясь с ними в успехах. Но подобное было не впервой для семьи Перри. Благодаря все той же программе «Лучшее будущее» старший сын, Джон, учился в Вестминстерской академии в Нью-Йорке. В глазах матери, Эдмунда, прихожан церкви, соседей Джона окружал героический ореол: его достижения должны были послужить примером для других. Старшие, сидя за обеденным столом или на ступеньках подъездов, говорили о нем с уважением. Они могли ничего не знать о концепции, согласно которой талантлив каждый десятый, но многим черным эта идея близка от природы, для них слово «лидерство» имеет возвышенный оттенок.

Хотят они того или нет, но все Эдмунды Перри неизбежно сталкиваются с тем, что с ними связывают надежды на будущее все черные. Среди многих чернокожих американцев существует вера: их спасет новоявленный мессия, вождь, талантливый, уверенный в себе, образованный, способный бросить вызов обществу. Он выведет их из нынешнего бесправного состояния. На такую яркую личность, как Эдмунд Перри, всегда смотрят, как на потенциального пророка, пока не становится ясно, что и это очередная ошибка.

Вместе с тем уже в самой системе воспитания таких, как Эдмунд Перри, заключено противоречие. Их посылают учиться в учебные заведения, где наряду с математикой и естественными науками, им прививают взгляды, идущие вразрез с возлагаемыми на них надеждами, но совершенно необходимые для того, чтобы отречься от своего народа и влиться в правящий белый класс. Может ли человек стать вождем угнетенных, если его учат, иногда косвенно, иногда прямо, отождествлять себя с теми, кто является угнетателем?

По свидетельству учителей и учащихся, Эдмунд сумел одолеть разрыв в культурном уровне с другими сокурсниками и академические нагрузки, которые обрушил на него «Экзетер». Просматривая личное дело Эдмунда, директор школы Стефан Куртц отметил: «У него блестящая академическая успеваемость, особенно для выходца из бедных кварталов. И тут нет ни одной незаслуженной оценки».

Предпоследний год обучения он провел в Барселоне, где жил в испанской семье, изучая язык. И еще он научился неплохо играть в футбол.

Эдмунд стал одним из лидеров черного меньшинства «Экзетера». О'Нил, высокий, худощавый второкурсник, в прошлом семестре постоянно находился в подавленном состоянии. «Эдмунд вместе с другим старшекурсником пришел ко мне и говорил о том, как защитить свое «я»,— вспоминает О'Нил.— В академии легко забыть, кто ты есть, но он помнил». В дневнике О'Нила Эдмунд оставил следующую запись: «Помни, чтобы чего-либо достичь в этом мире, ты должен быть хозяином своей судьбы. Поэтому не допускай, чтобы кто-то заставил тебя поступать против твоей воли. Чувства поведут тебя по правильному пути, и даже если невозможно объяснить их другому, ты сам, немного подумав, сумеешь в них разобраться. Старайся всегда понимать, что ты чувствуешь, и помнить, кто ты...»

Старшекурснице из Кливленда Тамаре Хорн Эдмунд помог возродить основанную в 1966 году организацию учащихся, живших в общежитии для черных, которая в последнее время пришла в упадок. Директор «Экзетера» Куртц, затушевывая существование расовых противоречий в его учебном заведении, говорит о ней как о «независимой организации», но многие белые студенты выступают против нее, называя «раскольнической». На симпозиуме по расовым проблемам Эдмунд доказывал необходимость существования такого сообщества черных студентов «настолько враждебной аудитории (вспоминает О'Нил), с какой ему, видимо, никогда прежде

сталкиваться не приходилось».

На другом студенческом форуме большое впечатление произвела критика, с которой выступил Эдмунд в адрес представителя правительства, защищавшего политику США в Южной Африке.

Осталось впечатление, что Эдмунд не испытывал затруднений в общении с белыми, которых в нем привлекали ум и энергия. Он даже встречался с белокурой однокурсницей из Филадельфии. Как-то во время каникул они ездили на экскурсию в Нью-Йорк, и он показал ей Гарлем. Одним из самых близких его друзей в «Экзетере» был белый студент Кеннет Маршал. После убийства Эдмунда он связался с выпускниками курса, разъехавшимися по всей стране, и вызвал их на похороны, предложив оплатить часть дорожных расходов. 21 июня на митинге протеста против убийства полицией Эдмунда Маршал стоял рука об руку с Вероникой Перри.

Влияние матери, жизнь в Гарлеме, четыре года учебы в «Экзетере» и противоречия, с которыми там пришлось столкнуться, привели к тому, что у Эдмунда сложился сильный и сложный характер. Одни считали его забавным и обаятельным человеком, с которым приятно посидеть за одним столом. Другие — слишком порывистым, слишком самоуверенным, слишком дерзким; у некоторых он вызывал раздражение сочетанием уличной бравады и высокомерия интеллектуала. «Парень из Гарлема» — иногда он воспринимал эту кличку как позорное клеймо.

На торжественную церемонию вручения диплома в воскресенье второго июня приехала семья Эдмунда и несколько друзей, а неделю спустя его вместе с некоторыми другими выпускниками чествовали в мемориальной баптистской церкви Гарлема. Эдмунд решил поступить в Стэнфордский университет на факультет управления бизнесом. Вернувшись домой, он нашел место в маклерской конторе «Киддер Пибой» на Уолл-стрит и сразу же приступил к работе.

Вечером двенадцатого июня, примерно до девяти часов, Эдмунд играл в баскетбол на школьном дворе. Бывшая в тот вечер тоже во дворе Николь помнит, как Эдмунд сказал, что собирается с кем-то пройтись по 116-й улице.

В некий момент этого вечера, скажем, между 9.15 и 9.30, Эдмунд шел через Морнингсайд парк, который тянется от 124-й до 110-й улицы. Днем этот парк — довольно-таки приятное место. На спортивных площадках сражаются баскетбольные команды. Мужчины читают газеты на скамейках. На бейсбольном поле отцы учат сыновей основам игры. Но вечером густые деревья и заросли кустарника превращают парк в зону повышенной опасности. Не раз там нападали на женщин и отнимали сумочки. И потому жители 114-й улицы избегают парка после наступления темноты. И все же Эдмунд Перри отправился именно туда. На грабеж? Отказавшись от своего диплома и светлого будущего, которое сулил ему этот несправедливый мир?

СМЕРТЬ ЭДМУНДА. Случившееся двенадцатого июня в половине десятого вечера вызывает немало вопросов, однако не они беспокоят суд присяжных, созванный для рассмотрения дела. Игнорируя факты, окружной прокурор Роберт Моргентау и его сотрудники сосредоточены на одном: доказать, что попытка ограбления действительно имела место, что Эдмунд Перри (и, как подозревает судья, его брат Джон) напал на Ван Хоутена и, как следствие, «обвиняемый Перри» был убит. Похоже, что, выслушав показания Ван Хоутена и других свидетелей, большое жюри отпустит полицейского на все четыре стороны. Однако адвокат Вернон Мейсон, активист кампании против произвола полиции, планирует подать гражданский иск от имени семьи Перри по обвинению Ван Хоутена и полицейских властей в убийстве.

Основой для официальной версии служат даже не показания Ван Хоутена, а стереотипное мнение: когда черному представляется шанс ограбить белого, он не замедлит им воспользоваться. В самом деле, какие, черт возьми, другие «мотивы» могут быть у «ниггера»? А ведь отсутствие мотива преступления — это как раз то, чего недостает полицейской версии, и, по-видимому, сами полицейские это понимают. По словам Мейсона, после убийства Эдмунда восемь юношей — все жители 114-й улицы — были вызваны в полицию и допрошены, но не по поводу убийства, а о характере Эдмунда. Была допрошена также шестнадцатилетняя девушка Алисия Арройо, которая потом подала иск с обвинением полицейских 26-го участка в незаконном допросе.

Семья Эдмунда Перри уверена, что он попросту оказался в неподходящее время и в неподходящем месте и стал жертвой либо ошибки, либо хладнокровного убийства, которое теперь пытаются скрыть. Вопросы, поднятые семьей Перри и адвокатом Мейсоном, слишком вески, чтобы от них отмахнуться.

Соответствует ли действительным событиям полицейский «сценарий»?

Один из свидетелей, сторож в больнице святого Люка, сказал репортеру газеты «Ньюсдей», что он видел, как Перри и Ван Хоутен обменялись несколькими фразами и разошлись в разные стороны. Далее свидетель сообщает: «Как только Перри отошел, из пролома в ограде Морнингсайд парка выскользнули два негра и мулат, они напали на полицейского. Раздался первый выстрел. Услышав его, Перри повернулся и был настигнут второй пулей. Сторож заявил, что его «никто ни о чем не спрашивал и он об этом пока не рассказывал». Неизвестно, был ли, наконец, допрошен этот свидетель полицией и будет ли он выступать на суде.

Что делал Ван Хоутен на Морнингсайд-драйв?

Полиция утверждает, что он, одетый в штатское, вел в этом месте наблюдение, поскольку в районе больницы святого Люка участились случаи взлома автомобилей. Когда началась стрельба, он находился вне поля зрения патрульной машины. Однако у Мейсона есть свидетель из числа работников больницы, который утверждает, что, как и некоторые другие полицейские, Ван Хоутен подрабатывал в больничной охране и двенадцатого июня как раз находился на дежурстве. Директор больницы отказался прокомментировать это утверждение.

Из какого положения Ван Хоутен застрелил Эдмунда?

В полицейском рапорте говорится, что Ван Хоутен выхватил пистолет из кобуры, когда был повален на землю. Но у Мейсона опять-таки есть свидетель, заявляющий, что, стреляя в Эдмунда, Ван Хоутен стоял. Перри находился прямо перед ним, безоружный и на достаточно большом расстоянии. «Наш медицинский эксперт, доктор Сидней Уайнберг, при предварительном обследовании не нашел следов пороха или каких-либо других примет близкого контакта пистолета с пораженным пулей местом, а это говорит о том, что в Перри стреляли с достаточно большого расстояния». Если это так, то даже если Эдмунд и пытался незадолго до этого напасть на Ван Хоутена, было ли оправдано применение полицейским огнестрельного оружия против безоружного человека?

Почему Ван Хоутен первым оказался в больнице?

Полиция не отрицает, что Эдмунд, закованный в наручники и истекая кровью, остался на мостовой, в то время как Ван Хоутен был доставлен в больницу. Расстояние до нее составляло каких-нибудь тридцать метров, и Перри могли бы без труда донести туда. Еще один случай, когда жизнь чернокожего ни во что не ставится? Уайнберг считает, что ранение Эдмунда не было смертельным. И это вызывает еще один законный вопрос: почему Эдмунду не была своевременно оказана медицинская помощь и не в этом ли причина его смерти?

Насколько серьезны были ранения, полученные Ван Хоутеном?

Полиция утверждает, что ему были нанесены ножевые раны и многочисленные ушибы, вследствие чего ему пришлось провести в больнице всю ночь. Позже в суде

он появится с повязкой на шее. Однако друзья Перри говорят, что видели, как около часа ночи Ван Хоутен вышел из больницы в компании восьми полицейских. Никаких видимых ранений они не заметили.

В котором часу погиб Эдмунд?

«Обычно кто-нибудь из больничного персонала постоянно информирует семью о состоянии пациента,— говорит Мейсон, который прибыл в больницу по просьбе родственников Эдмунда.— Миссис Перри, однако, не было позволено даже приблизиться к дверям операционной, она сидела в приемной пункта первой помощи. Мы даже представить себе не могли, что в это время Эдмунд умирал. Больница официально информировала нас о его смерти в 2 часа 20 минут утра. С Вероникой Перри случилась истерика».

В больнице сказали, что смерть наступила без пяти час, а следователь Ричард Никастро заявил журналистам, что это случилось без пяти два. Если первое верно, то между смертью Эдмунда и официальным сообщением об этом его семье был разрыв в полтора часа. Почему так долго? Не потому ли, что Ван Хоутену, который уже покинул больницу, нужно было время, чтобы утрясти некоторые детали в полиции, чтобы дело о самообороне не превратилось в дело об убийстве?

В наши дни в Нью-Йорке, когда молодой негр встречает белого полицейского, у него инстинктивно перехватывает дыхание. С пугающим предвидением Эдмунд Перри записал в своем экзетерском дневнике такие слова:

Ты ищешь справедливости,
но что находишь?
Ты находишь лишь место в
очереди на бирже.
Ты обливаешься потом от
зари до зари.
Да, если есть справедливость,
то не для нас...

Перевел с английского
И. МОНИЧЕВ

Рашид БУДЬЕРА,
алжирский писатель

БУДНИ ПАРИЖСКОГО МЕТРО

ТАК В ЖИЗНИ. Когда кто-то из тех двоих взвизгнул: «Мой бумажник!», я сказал себе: хоть бы пронесло плюгавого, дремавшего через несколько сидений от меня. Вид у него покаянной жертвы. Слишком он смуглый, чтобы доказать свою невиновность; а этого, чернокожего, про которого не скажешь, что плюгавый, очень молодого, я не заметил.

Его-то вдруг и схватил за отворот куртки визжащий, и жена его завизжала, но перекричать мужа не могла: «Мой бумажник!» Я тогда подумал: этот, может, и выкарабкается, потому что смуглая кожа непонятного цвета хуже откровенно черной. И так и сяк: подозрительно.

Женщина рванула стоп-кран, и вагон метро, заскрежетав, замер. Как-то по-театральному объявился машинист и сказал спокойно, ни на кого не глядя: «Что тут происходит?» Мужчина закричал: «Он украл у меня бумажник!» «Вор» был молод, чернокож, невероятно высок. Он стоял совершенно спокойно. Машинист сказал: «Посмотрите у себя еще».

Женщина раскрыла сумочку и тут же вытащила бумажник, перетянутый красной резинкой: «Какая же я дура, он ведь у меня!» А муж сказал: «Могла бы раньше сказать!» Машинист поправил ручку стоп-крана, и сирена разом замолчала. Он сказал: «Этим, господа, не балуются. Это не игрушка».

Плюгавый смуглый человечек даже не пошевелился.

Молодой великан негр, иссиня-черный, тоже не пошевелился. С высоты своего роста он спокойно смотрел на происходящее.

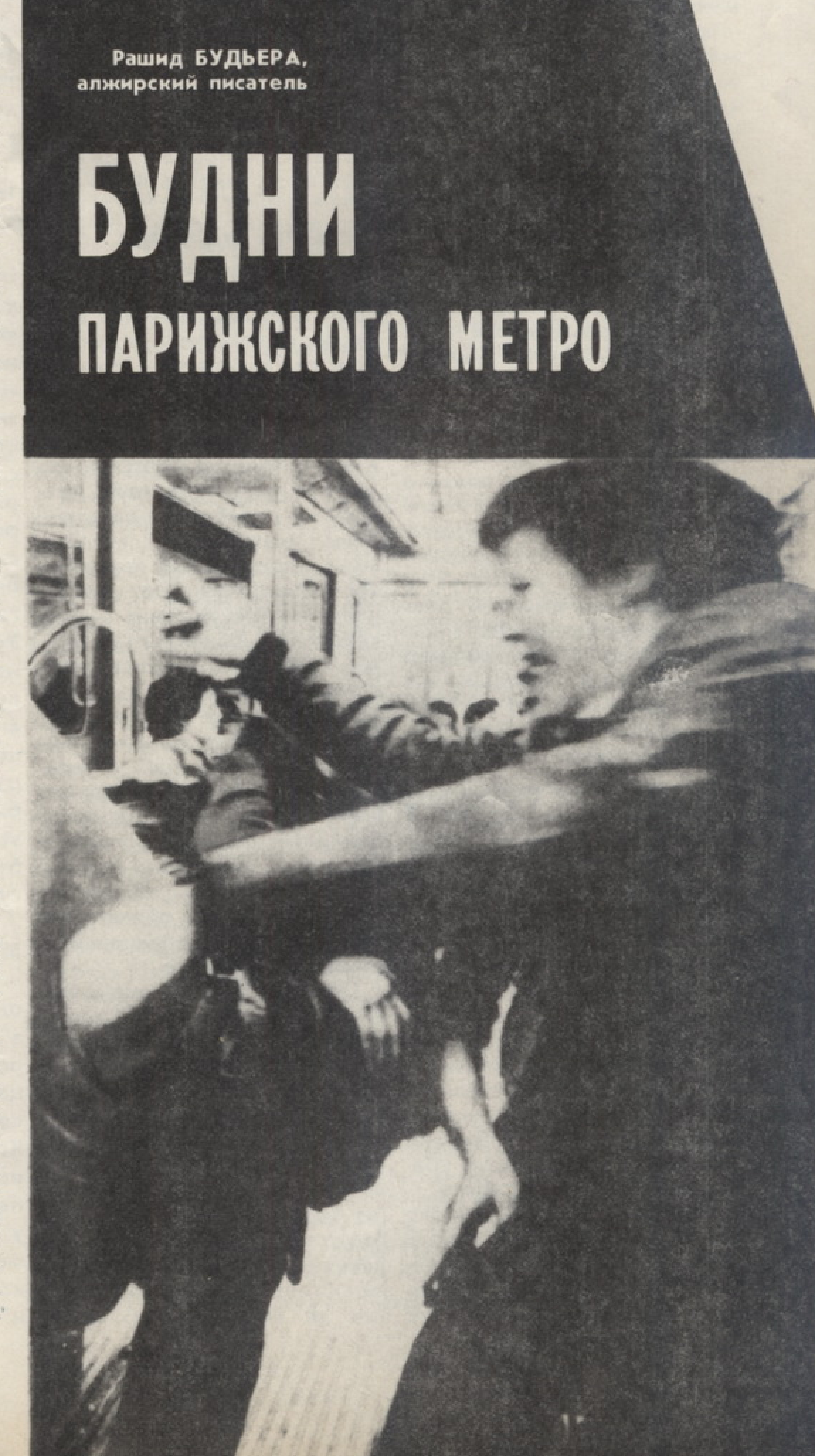
ТАК В КИНО. Сначала крик. Кричит девушка в самом дальнем углу вагона метро. Пассажиры сидят, не поворачивая головы. «Помогите!» Не слышат.

Еще кадр. Та же девушка — актриса-жертва. В проходе между сиденьями — на этот раз в вагоне ни одного свободного места — трое нанятых актеров преградили ей дорогу. Физиономии бандитов, черные кожаные куртки: амплуа обязывает. Девушка вырывается. Куртки свирепеют. Пассажиры внимательно изучают свои ботинки. Одна-единственная — женщина — потихоньку встает и бросается к стоп-крану. Вокруг нее — море равнодушия.

Тем не менее в каждой сцене «нападения» кто-нибудь один пытается что-то предпринять. То молодая девушка, которая станет защищать «алжирца», жертву распоясавшихся черных курток-расистов. То негр, не раздумывая бросившийся защищать белую девушку.

Но всякий раз этот единственный кто-то сталкивается с безвольными взглядами остальных пассажиров. Люди спешат отвести глаза. Смельчаков мало, очень мало на тех линиях метро, где провели свой эксперимент со скрытой камерой журналисты телекомпании «Антенн-2». К тому же, чтобы не слишком драматизировать положение, в эфир пошли только «положительные» сцены, где был этот единственный кто-то.

Чего добьются авторы фильма? Обыватель усвоил, что в кино, как в жизни. Значит, смелости ему не прибавится. Самые обыкновенные пассажиры — настоящие, не актеры — еще поспешнее отвернутся, оставив девушку наедине с бедой. А это уже не кино, это действительно страшно.

ПОЗДНО НОЧЬЮ НА ВОКЗАЛЕ...

Оливье КЁППЕЛЕН,
французский журналист

Почему считается, что жизнь на вокзале течет как-то по-другому? Поезда приходят по расписанию, пассажиры расходятся по домам. Но все мы знаем: что-то все-таки происходит. Может быть, виноваты эти удлиненные тени пассажиров на перроне, доносящиеся обрывки разговоров, голос диктора, объявляющий бесконечное прибытие?

Она не назвала своего имени. Думаю, ее могли бы звать Мари. У нее ярко-рыжие волосы, откинутые назад. Очень белая кожа. Она подошла и спросила что-то насчет поезда до Нанта. «Его можно догнать с анжерским?»

Я думал, она уже ушла, а тут снова заметил ее в дверях буфета. Она была похожа на послевоенных женщин. Красивая. Лет сорока. Руки, испещренные морщинками. Она спросила: «Вас не побеспокоит, если я пересяду к вам?» На ней был темно-синий плащ, свитер с толстым воротником. «Поезд ждете?» Я говорю: «Нет, не жду». Еще несколько незначащих фраз, взаимного «ничего такого». «Я тоже,— сказала она.— Я тут жду одного человека, он едет к себе в Нант».

— Что, он не пришел?

— Не знаю. Я его давно не видела, наверное, я его не узнала. Как вы думаете, сильно меняется человек, если сбрить усы и бороду? Я сюда примчалась прямо с работы, уже пять часов жду. Всех мужчин здесь поразглядывала! Нет его. Не пришел он, я бы его почувствовала. Не вытерпела, позвонила его матери. Она говорит: «Он в Париже, возвращается сегодня вечером».

— Может, он очень похудел?

— Или поседел. Тяжко так каждого, кто по лестнице спускается, разглядывать.

Кому она все это говорит? Она же и не смотрит на меня, все с лестницы глаз не сводит.

— Вы его хорошо знаете?

— Хорошо. Я его любила. Мы должны были пожениться, а он прямо перед свадьбой сказал, что у него одинокая мать, что он мало зарабатывает. Он мне сказал: «Давай, говорит, дадим друг другу время подумать, года четыре. Разойдемся, а потом все будет ясно. Будем в себе уверены и все тогда решим». Я думала, забуду его, решила, не буду о нем думать, мол, все уже пропало. Только знаете, что это такое, когда кого-нибудь любишь! Не верю я, что люди могут вот так взять и разойтись. Я его не позвала, не писала — он просил не писать, а последний год каждый день считаю. Сегодня в пять как раз было четыре года. Я работаю в ателье, механиком. Как пришла с обеда, только об одном и думала: сегодня вечером буду уже в Нанте. Позвонила, сказали, что он поехал на вокзал, и я примчалась. Не могла я его пропустить. И он бы меня узнал. Женщины не так меняются, как мужчины. Он бы меня заметил... Пора мне. Я заплачу за кофе, все-таки это я вам надоедала. Нет, что вы... Да, да... Пока...

Идя по перрону, я видел, как она переходила от одного светящегося квадрата окна к другому, от вагона к вагону. Она медленно и жадно осматривала каждое купе. У меня не хватило духа сказать ей: «Боже мой, идите же домой, домой».

Она здесь совершенно случайно. Не собиралась она идти встречать подругу. Оставила дома свою канарейку, кошек и таксу. «Я ее про себя зову «негритянская колбаса». Она вся черная и ужасно длинная. Сколько, по-вашему, мне лет?»

У нее темные волосы. Я говорю: «Шестьдесят».

— Семьдесят пять! До сегодняшнего дня была молодой.

Она живет в маленьком квартальчике XIII округа, где все друг другу раньше помогали. Настоящая жизнь.

— Меня там все знают. То поесть принесут моим зверям, то сумку помогут донести. А как башни понастроили, все изменилось. Я сама себе кажусь никчемной.

После каждой фразы она смеется, потом протягивает руку и дотрагивается до моей.

— Они нас, стариков, не любят, особенно таких, кто там всю жизнь прожил, рады были бы, если б мы все побыстрее поумирали. Им больше по вкусу навещать нас где-нибудь в богадельне подальше от города. Тогда можно было бы прислать бульдозер, все перестроить и качать деньги. От таких, как они, в квартале все протухло. Не пойму только, чего я им такого сделала? Ну как же я смогу жить в одной комнатке с моими зверями?

Она смеется.

— Хоть они нас презирают, но пусть не рассчитывают, что я так скоро помру. У меня нет друга, который бы мне помог, это потому, что я всю жизнь не выносила трусов и уродов. Я люблю красоту. Пусть меня никто не любит, но зато у меня красивые звери и вообще у меня есть красота, они мне и помогут. Мне пора, сейчас подруга приедет, подумайте над тем, что я вам сказала: красота, красота и еще раз красота... Прощайте, месье...

Вот такие слова в гуле звонков, гудков, шипении машин. Медленные, почти незаметные всплески чувств. Медленно движется жизнь в зале ожидания.

**Перевел с французского
С. ВИКТОРОВ**

Беседы с Пикассо

БРАССАИ, французский фотограф

«...Память точнее любого магнитофона. Ее механизм не похож на ленту, которая слепо и без разбора невозмутимо вбирает в себя все, что слышит. Память чувствительна к словам, звучным своей поэтичностью, оригинальностью, весельем или глупостью. Остальные — бесцветный мутный поток — исчезают без следа. И тогда в нас совершается загадочная работа истинного творчества — вспоминание. Память всегда была мне единственным судьей, решающим, что достойно не быть забытым. Я обращался к ней и через день, и через два, и через десять дней, и через десять лет, как это было с Пикассо...»

Брассаи. «Слова на ветер»

Начало сентября, 1943 год

Встреча с Пикассо назначена сегодня на утро. Переполненному метро, редким автобусам предпочитаю прогулку. Ясно. Деревья, единственное, что неподвластно в городе приказам, начинают одеваться во все лучшее. Не по себе, что приближается зима, четвертая за эту войну; прошлая зима была ужасной. Но сквозь помехи на радиоволнах вернулась надежда: в прошлом месяце союзники заняли Сицилию; высадка в Калабрии и Салерно; дуче пал, Италия капитулировала; 2 февраля закончилась Сталинградская битва...

Одиннадцать лет прошло с моей первой встречи с Пикассо. Был 1932 год. Готовился к изданию первый номер журнала, где целых тридцать страниц было отведено фотографиям скульптур Пикассо. Фотографировать должен был я. К тому времени, когда я впервые переступил порог его мастерской, Пикассо уже шагнул в шестой десяток...

Одну за другой он доставал из корзины фигурки вытянутых форм, грубо вырезанные ножом из кусков твердого дерева, попутно объясняя мне, что он не хотел их слишком обрабатывать, чтобы оставить дерево живым, с его структурой, слоями, кольцами... Их было много: покрытые слоем пыли, они стояли на полках, подле бутылок с льняным маслом, скипидаром, кислотами...

Кое-какие из его работ в бронзе и дереве «голубого периода» и кубизма я знал. Тогда скульптор дремал в нем, как сама скульптура — в логике его живописи. Выдавая стремление вырваться за рамки холста, за периодом живой и разнообразной палитры неизменно следовал период «скульптурный» — едва окрашенный, почти одноцветный, будто картины писаны с неких несуществующих скульптур... Оттолкнувшись от Энгра и Сезанна, кубизм — реакция на импрессионизм, распылявший объемы и материальность изображения в цветовых пятнах, вибрациях,— родился под знаком подчеркнутой пластичности. Пикассо говорил, что, если вырезать и соединить все планы его картин, то получится скульптура. Картина должна показывать предмет с такой объемностью, чтобы инженер мог перечертить ее на кульмане в трех измерениях. Удивительно, что вопреки этой прирожденной склонности к скульптуре Пикассо после своего «Стакана абсента», 1914 года, практически забросил ее почти на четверть века и вернулся к ней лишь сейчас, храня свои эксперименты в тайне от всех. Мы были в числе первых, кто видел его новые произведения...

Я работал, не отрываясь, дотемна. Пикассо зажег большую керосиновую лампу. Странная вещь, здесь не было электричества, и Пикассо, любивший засиживаться за работой допоздна, работал при этом мерцающем свете. Он объяснял это привычкой: в молодости приходилось работать чаще всего при свече, воткнутой в бутылку. Керосиновая лампа, поставленная прямо на земляной пол, разбрасывала причудливые тени вокруг белых гипсовых скульптур, которые я в тот вечер так и не успел отснять. Прощаясь, Пикассо предложил: «Слушайте, а почему бы нам не выбраться завтра в город?.. Вы цирк любите? Тогда все, идем в «Медрано»... Целую вечность там не был. Заодно и Пауло захватим...»

...Обыкновенная цирковая программа: вольтижеры, акробаты, дрессированные звери, наездницы в белых пачках на крупах першеронов. Сын Пикассо, Пауло, скучал. Его отец веселился как ребенок. В антракте он повел нас в конюшни. И заговорил о цирке. Всякий раз, когда у него оставалось немного денег, он шел с друзьями в цирк. Театр они не признавали. В то время его мастерская была в двух шагах от «Медрано».

ПИКАССО: Я был очарован цирком. Доходило до того, что я бывал в «Медрано» по нескольку раз в неделю. Главное для меня в цирке — клоуны. Иногда мы шли за кулисы и болтали с ними в баре до полуночи.

Я спросил, правда ли, что первым продавцом его картин был какой-то клоун из «Медрано»?

ПИКАССО: «Продавец картин», это громко сказано... Кловис Саго был скорее старьевщиком, приторговывавшим заодно и картинами. Но прежде чем придумать для себя «амплуа» владельца лавки на улице Лаффитт подле церкви Нотр-Дам-де-Лоретт, он был настоящим клоуном. А человеком Кловис Саго был суровым, процентщик... Когда я сидел на мели, прихватывал под мышку парочку своих работ и шел к нему... Он брал, не отказывал... А неподалеку от лавки Саго, на улице Мучеников, торговал «папаша Сулье», тоже живописью. У него в развалах я однажды обнаружил великого Руссо-таможенника, которого вы видели у меня в мастерской...

Эта картина Руссо была началом прекрасной коллекции Пикассо. Впоследствии в ней появилось много работ Сезанна, Курбе, Вюйлара, несколько прекрасных Ренуаров, Дега. Большинство этих картин Пикассо обменял на свои собственные работы...

Лето, 1939 год

Август месяц, война, кажется, неизбежна. Никто уже не верит, что можно избежать катастрофы.

Неожиданно журнал «Лайф» заказал мне серию фотографий Пикассо: через два месяца в Нью-Йорке должна открыться его выставка. Пикассо хлопотал об эвакуации своих картин: заказал ящики, начал было упаковывать работы, увязывать тысячи своих книг и вдруг ко всему охладел: слишком многое пришлось бы спасать. «В сущности, важна легенда, созданная той или иной картиной, а не то, что она существует или ее уже нет»,— сказал он, хотя всегда был неравнодушен к судьбе своих работ.

Тогда-то мне и пришел этот заказ из «Лайфа».

Мне казалось, что единственно, как сейчас можно сфотографировать художника — хотя Париж уже нацепил на себя маскировочный халат, подбитый ночным затемнением, заклеил окна; улицы освещались слабенькими сизоватыми фонарями,— в привычных ему кафе на Сен-Жермен-де-Пре и в его новой мастерской на Гран-Огюстин...

У этой мастерской была своя легенда. В том старинном особняке шло действие «Неведомого шедевра» Бальзака. Здесь его герой, жаждущий абсолюта, создал и уничтожил свой шедевр. Крутая и мрачная лестница, ведущая наверх, в мастерскую, в точности соответствовала описанию Бальзака. Загоревшись мыслью почувствовать себя на месте великого бальзаковского Френхофера, Пикассо, не раздумывая, снял освободившиеся два верхних этажа. Это было в 1937 году. И на том самом месте, где стоял «Неведомый шедевр», он написал всем известную «Гернику»...

...Звонок от Пикассо: он хотел бы встретиться, посмотреть фотографии для «Лайфа». Можно заехать?

...Внизу его ждет «испана-суиза». Показываю ему серию, снятую у него в мастерской. Он жадно требует новых и новых фотографий... Добираюсь до серии, посвященной парижскому дну, сделанной в 1932—1933 годах: сутенеры, девицы, уголовники, трущобы, танцы под аккордеон...

ПИКАССО: Когда видишь, что можно выразить с помощью фотографии, понимаешь, что именно не может быть выражено в живописи... Так почему художник должен упорствовать и соперничать с фотообъективом? Это же безумие, верно? Фотография достигла того уровня, когда она может освободить живопись от всякой литературщины, анекдота и даже сюжета... Во всяком случае, определенная сторона живописи принадлежит сегодня фотографии... Не должен ли художник воспользоваться полученной свободой и заняться чем-то иным?..

Начало сентября, 1943 год

...Встреча с Пикассо назначена сегодня на утро.

ПИКАССО: Мне предложили издать альбом моей скульптуры. При этом издатель навязывает своего фотографа. Я согласился только при условии, что это будете вы.

Чем я сейчас занимаюсь? В двух словах обрисовываю свое положение: отказался выпрашивать у оккупационных властей разрешение на фотографирование, и меня лишили всех прав публиковать снимки. Так что сижу без работы...

ПИКАССО: Одного поля ягоды. Меня тоже лишили права выставлять и публиковаться... Все мои альбомы запрещены. Даже репродукции моих работ запретили. Так что улаживайте ваши дела с этим издателем и приходите в любое время...

Начало октября, 1943 год

Вместе с издателем и Пикассо мы должны просмотреть все скульптурные работы и выбрать, что включать в альбом. Доходим до «Птицы». Поломанный ржавый детский самокат без колес натолкнул Пикассо на мысль о полете. Планка, куда ставят ногу, превратилась в птичье тело, рама — в вытянутую шею, вилка переднего колеса — в голову с клювом. Вершит ее красное перо в качестве хвоста. Остановившись у птицы-самоката, издатель шепнул мне на ухо:

— А вот это снимать не стоит. Это скорее предмет, а не скульптура...

Пикассо, от внимания которого ничего не ускользнуло, резко поворачивается к издателю:

— Я решительно настаиваю, чтобы эта скульптура была в моем альбоме!

Прошло больше часа, издатель уже ушел из мастерской, а Пикассо все кипел от возмущения.

ПИКАССО: Какой-то предмет! Моя «Птица», стало быть, какой-то предмет! Да кто он такой, чтобы учить Пикассо, что скульптура, а что не скульптура! Уж как-нибудь знаем и без этого нахала! Кто-нибудь вообще может мне сказать, что такое скульптура? А что такое живопись? Вечно люди цепляются за одряхлевшие идеи, прогнившие понятия, как будто задача художника не в том именно, чтобы рождать новое!

Конец октября, 1943 год

...Входит незнакомая женщина. Ей нужно увидеть Пикассо обязательно «лично». Она хочет что-то ему показать. Это обязательно его заинтересует... Она готова ждать сколько угодно.

Пикассо в городе и появляется часа через два. Дама развязывает сверток и достает небольшую картину.

— Месье Пикассо, позвольте мне показать вам одну вашу раннюю работу.

Пикассо растроганно смотрит на маленький холст.

ПИКАССО: Да, это Пикассо... Подлинник... 1922 год. Я помню.

ГОСТЬЯ: Можно, в таком случае, его подписать? Иметь подлиного Пикассо и без его подписи, согласитесь, обидно. Люди могут подумать, что я их обманываю...

ПИКАССО: Вот так все время приходят, просят подписать мои старые холсты... Смешно! Я всю жизнь тем или иным способом помечал свои работы. Действительно, были периоды, когда мы — Сёра, Брак и я — подписывали картины на обороте, чтобы не нарушать композиции. У вас, мадам, подпись где-нибудь под рамой...

ГОСТЬЯ: Но ведь это ваша картина, месье Пикассо, нельзя ли подписать ее так, чтобы было видно, что она ваша?

ПИКАССО: Нет и нет, мадам! Если я сейчас ее подпишу, то собственными руками сотворю фальшивого Пикассо. Получится, что моя подпись 1943 года стоит на картине 1922 года... Нет, мадам. Сожалею, но не могу...

Дама смирилась, упаковывает своего «пикассо». Мы говорим о подписи. Спрашиваю, почему он взял себе фамилию матери?

ПИКАССО: Это было необычнее, звонче, чем Рюиз. Меня в ней привлекло сдвоенное «с». Я уверен, что имя и псевдоним имеют свое значение. Можете вы представить, чтобы меня звали Рюиз? Пабло Рюиз? Или того лучше Диего-Хосе Рюиз, или там Хуан-Непомуцен Рюиз! Кстати, вы заметили, что это самое двойное «с» и у Матисса, и у Пуссена, и у Руссо. Это кое-что да значит.

Начало ноября, 1943 год

Обилие посетителей иногда утомляет Пикассо. Он скрывается от них в дальней комнате мастерской и ни к кому не выходит. До одиннадцати часов я работал в мастерской один.

— Здравствуйте, я из Экса,— сообщает с порога очередной посетитель. Он молод, в руках у него картина, пейзаж Прованса: стена, мельничный жернов, несколько деревьев в глубине.— Приехал показать г-ну Пикассо вот это полотно. Это Сезанн. Я не продавать, хочу только услышать его мнение...

Услышав про неизвестного Сезанна, Пикассо тут же появляется в мастерской. Внимательнейшим образом изучает принесенную картину: «Эта работа не лишена таланта, но это не Сезанн». Юноша горячится: «Ее нашли в его мастерской! У нас в семье все спокон века считают ее подлинником. Она и датирована периодом «Игроков в карты»...

ПИКАССО: Да послушайте же вы! Вы можете быть хоть тысячу раз правы и привести мне тысячу доказательств. Но она никогда не была написана Сезанном! Я знаю, что говорю... Подпись на ней, очевидно, фальшивая. Но и это еще ничего не значит... Неужто вы полагаете, что мне не попадались мои собственные работы с поддельной подписью? Никакая подпись не помешает мне узнать настоящего Сезанна! Забирайте вашего «семейного Сезанна». Сезанн мой единственный учитель. Вы думаете, я просто рассматривал его работы? Я их изучал годы и годы... Сезанн! Он как отец нам всем. Он наш заступник!

Конец ноября, 1943 год

Редкий день, сегодня нет посетителей. Я делаю повторные снимки некоторых скульптур.

ПИКАССО: Как, вы переделываете наново?

— Да, сегодня освещение лучше, чем было...

ПИКАССО: Очень знакомо... Я тоже часто говорю себе: «Это еще не то. Ты способен сделать лучше...» Редко когда могу уговорить себя не улучшать по тысяче раз одну и ту же вещь... Бывает, наваждение какое-то находит. А с другой стороны, для чего тогда мы все работаем, если не для того, чтобы выразить что-то еще и еще лучше? Совершенства нужно добиваться всегда... Естественно, что это понятие — совершенство — имеет разный смысл. Для меня лично совершенство — это идти от одной картины к другой.

Конец ноября, 1943 год

Пикассо смотрит на часы. Часы прикреплены на цепочке к подкладке пиджака. Только старые рантье, приходящие играть к Ботаническому саду в шашки, еще носят так свои часы... Пикассо вообще упрям в своих привычках, которые удивляют не меньше, чем выходки иного сноба.

ПИКАССО: Почему я не ношу часы в кармане? Я угадал? Потому что... А отвечать обязательно? Потому что у меня нет ни одного целого кармана.

И он один за другим выворачивает дырявые карманы у пиджака, у жилетки, у брюк.

«Ничего в рукавах
Ничего в карманах...» —

как написал Кокто (французский писатель, 1889—1963.— *Ред.*) в своей «Оде к Пикассо». То, конечно, была дань уважения волшебника слова волшебнику кисти.

Конец ноября, 1943 год

Чтобы снять удачный ракурс «Человека с ягненком», мне надо слегка повернуть эту большую скульптуру. Осторожно, таким хрупким кажется вырывающийся из рук пастуха ягненок, берусь за талию доброго пастыря, и тут свисающая лапа ягненка отрывается, летит на пол и разбивается на множество кусков.

Когда-нибудь это должно было случиться. Уже три месяца, как я беспрестанно что-то передвигаю ближе к свету, устанавливаю на импровизированные цоколи. Чудо, как я не разбил ничего раньше...

Справившись с первым волнением, решаю идти сказать Пикассо. Знаю, что он считает — и не зря — «Человека с ягненком» одной из своих лучших работ. Скорее всего он разразится приступом гнева, и на этом наши добрые отношения закончатся.

Пикассо слушает. Он не кричит, не мечет громы и молнии. Плохой признак? Я знаю, как он умеет гневаться молча, бледнея. Не проронив ни слова, идет за мной... Осматривает внимательно, как следователь, осколки. Все куски вроде на месте. «Ничего страшного,— говорит он,— на днях сделаю...»

Остаюсь один. Через некоторое время в мастерскую заглядывает Сабартес. Сабартес — друг юности Пикассо. Незадолго перед войной Пикассо пригласил его приехать в Париж помочь разобраться в своем архиве. Впрочем, это был скорее предлог, чтобы иметь рядом с собой друга. Сабартес, которому Пикассо, видимо, уже рассказал о моем злоключении, стал меня подбадривать:

— Догадываюсь, почему вы ее разбили. Чтобы не досталось другим фотографам... И вы совершенно правы! Надо будет нам по мере того, как будете фотографировать, все их и перебить. Представляете, какую ценность будут иметь эти фотографии?

Когда я уходил, Пикассо остановил меня: «Я не сердился, нет?»

Начало декабря, 1943 год

Всю первую половину дня работаю в мастерской один. По лестнице спускается Сабартес. В руках три небольших полотна.

САБАРТЕС: Моя личная коллекция Пикассо. Мои портреты. Что скажете? Этот написан четыре года назад. Я хотел заказать к нему раму, но Пикассо настоял, что сделает ее сам. И пока он эту раму делал, переписал портрет заново...

— Я не подозревал, что у вас целое собрание ваших портретов. А ведь был еще один, если не ошибаюсь, где вы сидите за кружкой пива, облокотившись на стол. «Кружка пива», по-моему?

— Это было во время моей первой поездки в Париж. Мы договорились тогда с Пикассо каждый вечер встречаться в кафе «Лоррен». Однажды он задержался, пришел и застал меня за кружкой пива, занятого какими-то своими мыслями. А через пару дней вдруг показывает мне тот портрет. Он написал его по памяти, я не позировал... Это самый старый портрет, 1901 год, начало «голубого периода».

Начало декабря, 1943 год

Пикассо вышел куда-то еще рано утром.

Подле мольберта — старое кресло, погребенное под грудой бумаг, которую венчает один из многочисленных набросков к «Человеку с ягненком». Перед креслом стоят домашние тапочки Пикассо. «Голова» «Человека с ягненком», кресло, тапочки соединяются в некий образ человека, держащего в руках кипы книг и журналов. Я слегка передвигаю тапочки, чтобы они попали в кадр, и собираюсь сделать снимок этого «гражданина», когда входит Пикассо.

ПИКАССО: Занятная фотография получится, только она не будет «документом»... И знаете, почему? Потому что вы передвинули мои тапочки. Я их так никогда не ставлю. Это уже ваши тапочки, а не мои. Как художник располагает вокруг себя самые разные предметы, говорит о нем не меньше, чем его работы. Ваши работы мне нравятся именно потому, что они правдивы... Помните ваши первые фотографии у меня в мастерской? Они как та самая капля крови, которую берет врач, а потом ставит диагноз. Почему, вы думаете, я ставлю даты на всех своих работах? Да потому, что мало знать творчество художника. Надо еще знать, когда написана картина, для чего, при каких обстоятельствах. Несомненно, когда-нибудь появится такая наука, может быть, ее назовут человековедение, которая будет пытаться проникнуть в глубь человека, беря для своих исследований человека-творца... Я часто думаю об этой науке и хочу оставить для нее по возможности полную документацию. Вот почему я ставлю даты на всех своих работах...

Вторник, 14 декабря,1943 год

Ужасный холод.

ПИКАССО: Вы действительно собираетесь работать? В мастерской — северный полюс. Безумие туда заходить. Я вам не советую. Прекрасно можно перенести статуэтки сюда, здесь натоплено...

Заманчивое предложение. Но, подумав, все-таки выбираю мастерскую. Так для меня удобнее, и потом за работой о холоде не думаешь...

ПИКАССО: Точно! Я за свою жизнь натерпелся от холода. В Барселоне жег свои рисунки, чтобы согреться... А какой холод стоял у меня на чердаке в Калле Зюрбано. Ни огня, ни света... Никогда больше так не мерз. Могу одно сказать, холод помогает работать, будоражит ум. Толкает вперед. Работаешь, чтобы согреться, и согреваешься, когда работаешь. А тепленькое местечко скорее убаюкивает... Ладно, идите, работайте... Успеха вам.

Май, 1945 год

Поднимаюсь по лестнице. Спрашиваю себя, изменилась ли здесь жизнь? Последний раз я приходил сюда в июне 1944 года. Через два месяца было освобождение Парижа, и тогда в мастерскую Пикассо хлынули люди, приветствуя его, как символ вновь обретенной свободы.

САБАРТЕС: Эй, Брассаи, почему вы не показываетесь?

— К вам не пробиться.

ПИКАССО: Ну вот, Париж свободен, а я в осаде...

Перевел с французского С. КОЗИЦКИЙ

КУСТО, КАПИТАН "КАЛИПСО"

Гиймет де СЕРИНЬЕ,
французский журналист

Этот знаменитый француз провел едва ли не бóльшую часть жизни в исследовании морских глубин. А досуг — в съемках 4 полнометражных фильмов, 62 телефильмов (показанных более чем в 100 странах), в написании такого количества книг, которые составили бы 20-томную энциклопедию, в деятельности двух созданных им ассоциаций, насчитывающих 200 тысяч его последователей. Таков капитан Жак Ив Кусто, суперзвезда не только Франции, где каждый вторник вечером по 1-й программе телевидения этот Нептун морских глубин демонстрирует изумленным землянам чудеса своего царства. Им восхищаются в Москве. В США «Джеку» Кусто трижды присуждали премию «Оскар» в Голливуде и удостоили звания члена Академии наук.

Фантастически энергичный, этот человек проводит на капитанском мостике все то время, которое не находится под водой. Свою поразительную страсть выходец из семьи бордоских виноделов приобрел в 10 лет. Его отец, находившийся тогда по делам в Нью-Йорке, отправил мальчика на каникулы в летний лагерь, где инструктор-немец заставлял Жака ежедневно нырять в глубь озера и извлекать оттуда затонувшие коряги. Нудная повинность стала его увлечением, а затем делом всей жизни.

В 1936 году, вооружившись маской, Кусто открыл для себя глубины Средиземного моря. Во время войны, участвуя в движении Сопротивления, он работал водолазом. Уже тогда он мечтал избавиться от свинцового снаряжения: в 1943 году Кусто разработал новый тип автономного скафандра.

В то время никто, однако, не желал принимать всерьез чудака, который резвился с дельфинами. Лишь в 1950 году один британский миллиардер предоставил в распоряжение Кусто шхуну «Калипсо», бывший минный тральщик, превращенный им в плавучую лабораторию. Он любит море, исследует его, вторгается в его глубины, разгадывает на всех широтах его тайны: он находит у берегов Греции бронзовые статуэтки из разграбленного дворца царя Митридата; впервые открывает в Персидском заливе залежи нефти в прибрежной зоне; испытывает новое снаряжение — глубоководные аппараты и лаборатории, первые подводные кинокамеры.

В 1956 году на Каннском фестивале его 15-й по счету фильм «Мир безмолвия», единственный среди документальных фильмов, был награжден Золотой пальмовой ветвью, и Жак Ив Кусто стал знаменитым. За год до этого, избранный директором Океанографического музея в Монако, он, наконец, смог покинуть службу во флоте.

«За моими фильмами стоит наука,— заявлял Кусто, привлекший к своей работе в районе Амазонки 50 ученых.— Я всего лишь их импресарио». Весьма искусный импресарио, щедро раздающий другим свои идеи.

Один из его друзей говорит: «В нем смесь честного и серьезного человека, новатора, каких мало, с искателем приключений, фантазером-мечтателем, который очаровывает и ведет за собой». Кусто неукротим, когда ведет борьбу за сохранение вымирающих видов морских животных, против загрязнения морей, когда протестует против применения силы в политике. Он отважен в борьбе за установление диалога между Западом и Востоком, особенно необходимого сегодня перед угрозой ядерной войны; он ищет пути помощи развивающимся странам, отчаянное положение которых, по его мнению,— «мина замедленного действия». Он заботится о воспитании молодежи в духе служения обществу, а не деньгам, к которым сам всегда был равнодушен.

Таков Жак Ив Кусто, такова его жизнь. С годами тяга к приключениям захватила и его семью: жена Симона стала незаменимой хозяйкой «Калипсо», сыновья — участниками его экспедиций. В 1979 году младший сын, Филипп, погиб за штурвалом гидросамолета.

Одиссея Кусто продолжается: на смену одним кораблям приходят другие, закончив одно путешествие, он готовится в следующее. «Жизнь моя так богата,— говорит Кусто,— что мне даже неловко».

Перевела с французского Алла ГРАЧЕВА

На снимке: беседа друзей; справа Жак Ив Кусто.

МАМА-КИТ СКАЗАЛА "СПАСИБО"

Клодин ВЕРНЬЕ-ПАЛЬЕ,
французская журналистка

ИНТЕРВЬЮ С ФРАНЦУЗСКИМ ОКЕАНОЛОГОМ ЖАКОМ ИВОМ КУСТО

— Расскажите ту историю, случившуюся во время вашей научной экспедиции к берегам Канады, когда вы спасли китенка.

Ж.-И. КУСТО: «Да, этот случай мне памятен, мы заметили кита-горбача, запутавшегося в рыбацких сетях. Это был детеныш. Малыши часто становятся жертвами ловушек, расставленных человеком.

Китенок отчаянно бился в сетях. Другой кит, бóльших размеров, ходил кругами поблизости. Очевидно, мать. Она была взволнована. Звала его. Ободряла. «Разговаривала» с ним своим мощным и прекрасным голосом. Но предпринять ничего не могла. У нее ведь ни рук, ни зубов, ни ножа, чтобы разрезать сеть. Случается, что кашалоты мощным ударом челюстей перерубают фал гарпуна, засевшего в боку у собрата. Но горбачи абсолютно беспомощны. Никаких зубов, только ус, служащий фильтром для процеживания планктона. С его помощью не перекусишь нейлоновые сети.

То, чего не могла сделать мама-кит, сделали мы. Наш главный водолаз, Бернар Дельмотт, освобождал китенка. Капелле помогал ему под водой. Раймон Коль следил за маневром с «Зодиака». Колэн Мунье и Ги Дюфо снимали всю операцию на пленку. Ги Жуас спустил в море гидрофоны, чтобы записать «разговор» матери и китенка. Итак, представьте: позиции заняты, спасение начинается.

Бернар Дельмотт плывет к китенку. Тот замечает его. Пытается увернуться, тяжело дышит. Но силы изменяют малышу. Он явно измотан. Слишком много энергии потратил, пытаясь вырваться из ловушки. Морда и плавники запутались в тросах. Должно быть, он протащил за собой несколько сот метров всю сеть и еще больше запутался. Якоря зацепились за грунт и лишили его возможности двигаться. Если Дельмотту не удастся перерубить опутавшие животное тросы — китенок погиб. В основном от изнеможения. Этот китенок еще «грудной», он полностью зависит от матери. Совсем обезумел. Паника плюс изнеможение — слишком много для такого малыша.

Дельмотт плавает вокруг пленника, оценивая ситуацию. Китенок взволнован. Он, должно быть, спрашивает себя: «Чего хочет от меня это существо?» Он понимает, что защищаться не сможет. Страшно. Я вам сейчас зачитаю рассказ Дельмотта: «Пытаюсь успокоить малыша. Потихоньку поглаживаю ему бок и плавник: бедный маленький. Сеть прямо как рукава смирительной рубашки натянута на его огромные белые плавники... Останавливаюсь справа возле головы. Он смотрит на меня тем свойственным китам добрым взглядом, который так трудно определить одним словом,— он одновременно дружелюбный и испуганный, умный и загадочный, понимающий, но отчужденный... Я глажу уголки его губ, пораненные веревками. Медленно провожу рукой по морде, по голове. Шкура у китов нежная, как бархат, и очень чувствительная, несмотря на толстый слой подкожного жира. Киты на свободе без конца прикасаются друг к другу: этот язык прикосновений, возможно, не менее богат, чем язык звуков. Китенок понимает мои ласки: я хочу ему помочь. Они успокаивают его. Он глубоко вздыхает. Перестает метаться. Не мешает мне делать свое дело. У него нет другого выхода.

Разбираю хитросплетение петель. Достаю из чехла свой старый кинжал, но он слишком тупой, не режет! Приходится плыть назад к «Зодиаку» и просить у Раймона Коля какой-нибудь более эффективный инструмент...

Рассекаю узел за узлом, петлю за петлей. Дело, требующее силы и терпения! Выхожу из себя, потому что работа идет слишком медленно. Вода ледяная, но я вспотел в своем водолазном костюме. Чувствую себя как первопроходец с мачете в непроходимых джунглях: чем дальше продираешься, тем, кажется, непроходимее. Конца не видно. После часа каторжного труда у меня такое чувство, что я не продвинулся и на сантиметр.

Не меньше двух часов уходит у меня на то, чтобы освободить китенка из плена. Когда я рассекаю последнюю связывающую его веревку, то, обессиленный, падаю ему на спину. Малыш свободен. Но он не шевелится. Он тоже потерял силы в борьбе за свое освобождение еще до нашего появления. Пока он не осознал, что одно движение хвоста — и он устремится в открытое море, в свою стихию. Даже призывы матери, которые я отчетливо слышу в воде, не в состоянии вывести его из оцепенения».

— Быть может, он не понял, что свободен?

Ж.-И. КУСТО: «И мы сначала так решили. Но тут Дельмотт заметил, что во рту у китенка остался кусок веревки, глубоко впившийся ему в уголки губ. И может быть, потому, что в пасть ему все еще врезался обрывок сети, малыш думал, что он в плену. Если удалить это инородное тело, осознает ли он, что его страдания кончились?

Вот что пишет Дельмотт: «Хватаюсь за конец веревки. Ластами упираюсь в голову нашего нового приятеля и тяну изо всех сил: пеньковый трос поддается с первого раза! Китенок дергается: больно! Но это последнее испытание, за ним — спасение. Малыш плывет. Понял наконец, что теперь это можно. Делает первые, пока еще неуверенные попытки. Я слышу, как мои товарищи на «Зодиаке» аплодируют. От радости комок подступает к горлу.

Китенок никак не решается отправиться в путь. Снова подплываю к нему. Я смотрю на него, он — на меня. Словами не описать эту минуту, когда кажется, что животное благодарит своего спасителя.

Ласково пожимаю один из его плавников. Глажу сбоку по голове. Взбираюсь на спину, и вот я — верхом на ките! Он позволяет мне все. Плывет, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Эту скачку в беспредельность я буду помнить всю жизнь: китенок такого возраста имеет восемь метров в длину, весит около двенадцати тонн, развивает мощность в десять-пятнадцать лошадиных сил.

Когда я спрыгиваю на ходу, опьяненный этим захватывающим родео, молодой кит отвечает на зов матери, быстро и легко подплывает к ней. Звуки их дыхания смешиваются в воде. Я возвращаюсь на «Зодиак» и вдруг чувствую смертельную усталость».

— А потом?

Ж.-И. КУСТО: «Потом — самое невероятное. До позднего вечера китиха и ее детеныш не хотят нас покидать. Они плывут рядом. Делают круги в нескольких десятках метров от «Калипсо», то тут, то там бьют фонтанчики воды. Иногда и мать и детеныш выпрыгивают или, высунув морды из воды, принимают позу и наблюдают за нами. Или, плывя на спине, разражаются великолепными аплодисментами, размахивая своими огромными гладкими плавниками.

Как же не принять такое поведение за своеобразное выражение благодарности? Так ли уж претенциозно и смело будет сказать, что киты, как и люди, способны испытывать это чувство? И языком жестов (возможно, также и на звуковом языке, в котором мы, правда, ничего не смыслим) дают нам понять: они знают, что в долгу перед нами, и хотят поделиться своим счастьем.

Незабываемые мгновенья. Мы перебросили хрупкий мостик в животный мир. Мы все — пассажиры на крохотной планете, держащей путь к берегам, которых нам не суждено увидеть, мы протянули руку помощи двум попутчикам».

— Бывали с вами еще подобные случаи?

Ж.-И. КУСТО: «Да. Нам довелось проводить еще одну операцию по спасению запутавшегося в сетях кита. Она закончилась почти так же трогательно. И дело происходило там же, в районе Новой Земли. Доктор Льен, канадский зоолог, занимающийся этими проблемами, пригласил нас на «Зодиак», где уже готовились два водолаза из его группы. Вот что пишет Фалько, капитан «Калипсо»: «Мы берем курс на одну из бухт острова. Над морем тучи. Все кругом посерело. Замечаю поплавки огромных сетей, которые канадские рыбаки имеют обыкновение ставить на мелкую треску. И среди буйков вижу фонтанчик: кит.

Это кит-горбач. Молодой, не больше восьми метров в длину. Подходим к нему вплотную уже на веслах, чтобы лишний раз не пугать. Он почти прорвал сеть, но хвост застрял. Нейлоновые веревки оплели его, образовав гигантский клубок. Ясно, что кит, почувствовав, что попал в ловушку, потянул ее, пытаясь освободиться сильным рывком. Когда такая тактика не принесла успеха, он стал крутиться на одном месте, стараясь распутать веревки. Понятно, что этот маневр только осложнил положение.

Вот мы прямо над китом. Петли сети, удерживающей его — ни дать ни взять Гулливер, связанный лилипутами,— забиты разными рыбами: треска, макрель, пикша. Я замечаю, много морских птиц также запуталось в сетях и утонуло. Кит испуган, яростно отбивается, чуть не опрокидывает наше суденышко. Но вскоре он привыкает к присутствию людей. Доктор Льен говорит с ним твердым и спокойным голосом. Его речь, кажется, успокаивает животное. Кит шумно выдыхает воздух и высовывается из воды: он наклоняет вправо свою гигантскую голову и оценивающе поглядывает на нас. Как описать этот темнобархатный взгляд? Мне кажется, что я в нем читаю одновременно недоверие, и любопытство, и покорность судьбе, и призыв о помощи.

Доктор Льен показывает водолазам из своей команды, как, по его мнению, нужно действовать. Вооружившись кинжалами, они спускаются в воду. Сначала долго гладят кита, потом направляются к хвосту. Время, которое они проводят под водой, перерезая нейлоновые веревки, кажется вечностью. Пока они работают, кит не шевелится, только вздыхает и выдыхает воздух два-три раза в минуту, видимо, успокоенный. Понимает ли он, что происходит? Какие «мысли» у него по поводу двух спустившихся к нему людей?

Наконец водолазы появляются на поверхности... На пальцах показывают: победа. Кит свободен! Похоже, что он этого не понимает. Но ведь он ударяет хвостом по воде, ясно, что ничто больше не удерживает его. И все же он не двигается с места, дрожа всем телом. Выпускает одну за другой несколько мощных струй. Наконец удаляется неторопливо, как бы с сожалением. Колеблется, прежде чем совсем исчезнуть из виду. Описывает в воде несколько кругов. И вот, как в театральном выходе, да не просто, а как на премьере, когда актеры сердечно благодарны публике за прием, он переворачивается на бок и помахивает своим длинным плавником с шишковатым краем. Счастливо тебе, кит-горбач!..»

— Почему киты все чаще попадают в сети?

Ж.-И. КУСТО: «Потому что рыбаки уничтожили крупные косяки рыбы, которой киты питались раньше в открытом море. Теперь такие косяки можно встретить только близ побережья. Вот они и подплывают к берегу. Как следствие, все больше их попадает в сети, расставленные в прибрежных бухтах. Прочно заякоренные, расправленные поплавками, огромные, необъятные, эти сети образуют непроходимый лабиринт, тянущийся вдоль всего побережья. Нам приходится спускать на воду шлюпку, чтобы та вела «Калипсо». С трудом мы сами избегаем нейлоновых ловушек. Как же изголодавшимся китам не попасть в них?

И везде, к сожалению, одна и та же картина. Люди слишком далеко заходят в использовании биологических ресурсов моря. А когда замечают, что рыба или различные ракушки исчезают, то ищут — и находят — козла отпущения. То виноваты киты, то тюлени, то морские бобры, или пингвины, или еще кто-нибудь. Но уж никак не они сами!..

Перевела с французского Татьяна ЛЕСНЕНКО

ЧТОБЫ В ДОМЕ БЫЛО ТИХО. Как подобрать магнитофонные наушники! Этот вопрос волнует многих читателей: в нашей стране их выпускается 17 вариантов. Предлагаем вам советы из французского журнала «Юманите диманш». Из всех вариантов наушников только закрытые позволяют полностью сосредоточиться на музыке. Идеально, если амбушеры — обкладки телефонов — сделаны из кожи или ее заменителя. Наиболее удобная соединительная скоба — двойная, с мягким, облегающим голову, и твердым, регулирующим высоту, контурами. При проверке качества воспроизведения обратите внимание на синхронность звучания. Искажения звука проверяются на максимальной громкости.

ОГУРЦЫ, КАК У БАБУШКИ. Некрупные огурцы вымыть, уложить в банку или эмалированную кастрюлю, проложив веточками укропа, листьями хрена, вишни, зелеными стрелками чеснока, добавить лавровый лист, дольки чеснока и перец. На дно банки и сверху (после заливки горячим рассолом — на литр воды чуть больше столовой ложки соли, при этом рассол должен покрывать огурцы) положить смородиновый лист. Закрыть чистой белой тряпочкой или марлей и придавить деревянным кружком. В Болгарии поверх огурцов кладут венок, сплетенный из виноградной лозы.

Любителям маринованных огурцов предлагаем рецепт румынских кулинаров: вымыть огурцы, обрезать кончики, проложить укропом, лавровым листом, дольками чеснока, добавить маленький корешок хрена. Залить предварительно приготовленным и остуженным рассолом: на 700 г воды 300 г винного уксуса, 50 г соли, 20 г сахара, душистый перец. Сверху накрыть хорошо промытыми вишневыми листьями, которые предохраняют огурцы от размягчения. Огурцы «поспеют» через 10 дней.

ДЕЛО В ШЛЯПКЕ! Снова в моде шляпы и шляпки. Снова они «служат завершающим штрихом туалета». Но добавилось и новое качество: по шляпке можно определить характер ее владелицы. Французские модельеры предлагают, например, берет для растяп: к нему прикрепляются брелки с ключами.

А вот две модели для лета: старое доброе канотье и панама, правда, без тульи, но зато с полями, защищающими от загара. Поля без шляпы можно сшить из цветного хлопка, сложить вместе 3—4 слоя ткани и простегать по кругу.

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ. Сколько можно говорить о пользе физических упражнений тем, кто еще не внял многоголосым советам медиков и друзей! Тем не менее приведем выдержки из недавно опубликованного исследования специалистов Гарвардского университета (США), проанализировавших зависимость между образом жизни и ее продолжительностью у 17 тысяч человек, окончивших это учебное заведение за последние 80 лет.

Итак, вот вам упрямые (или ленивые!) цифры в руки: если в неделю вы «сжигаете» физическими упражнениями 3,5 тысячи калорий, риск смерти от сердечно-сосудистых заболеваний, нарушений кровяного давления падает вдвое. Такое количество калорий можно «сжечь», если 6—8 часов в неделю посвящать езде на велосипеде или игре в теннис. Можно заменить это обыкновенной ходьбой: тогда надо пройти в неделю около 50 км. Но, оказывается, и пятнадцати километров в неделю достаточно, чтобы сократить риск на 20 процентов.

ДЕШЕВАЯ КОСМЕТИКА. Болгарские модницы моют волосы отваром, приготовленным из 100 г измельченных листьев крапивы, 0,5 литра воды и 0,5 литра натурального (то есть, винного) уксуса (все вместе должно кипеть 30 минут, затем процедить). Во Франции раз в 1—2 недели, вымыв предварительно голову, в кожу втирают настой из сухой крапивы. Для его приготовления берут столовую ложку измельченных листьев, заливают стаканом кипятка, настаивают в течение часа, остывший настой также процеживают.

Для любой кожи полезен млечный сок одуванчика. Протирая им лицо, вы избавитесь от угрей, веснушек, пятен. Но следите за тем, чтобы сок не попал в глаза. А если кожу начнет пощипывать, умойтесь холодной водой.

Ну и для того, чтобы лучше себя чувствовать,— витаминный чай. Его можно приготовить из равных частей шиповника и черной смородины или из шиповника и ягод рябины. Одну чайную ложку смеси (ягоды раздавить деревянной колотушкой) залить стаканом кипятка, настаивать час, затем процедить, добавить по вкусу сахар.

«С ГОЛОВЫ ДО ПЯТ». Каким бы ни было жарким лето, все же не стоит ходить на работу в сарафанах с открытыми плечами и спиной (прошлым летом москвички, например, усердно демонстрировали модные сарафаны на рабочих местах). Кстати, слово «сарафан» происходит от персидского «сар-а-па»: «сар» — «голова», «па» — «ноги»; одним словом — с головы до пят.

Эти летние наряды французские модельеры предлагают для пляжа, курорта, отдыха. Их легко сделать самим из хлопка, шелка или льна. Для 46-го размера на сарафан пойдет 1,75 м ткани при ширине 1,50 м; на платье — 3,10 м при ширине 1,50 м.

ВЫ СПРАШИВАЛИ, чем сейчас занимается Демис Руссос и что он поет. Отвечаем: в последнее время петь ему было некогда — Демис Руссос худел и писал книгу о том, как он это делал. В результате певец потерял 53 килограмма и приобрел новых поклонников среди тех, кто хочет похудеть. Главное, как считает Руссос, не смешивать продукты: уж если ты съедаешь по целому цыпленку, то без хлеба. Мясо, рыба — без гарнира. Вообще, главный принцип — однородность блюда. При этом, как считает Руссос, есть можно по пять раз в день.

Метод, что и говорить, необычный, хотя Руссос и добился желаемого. На себе мы все же его испытывать не рискуем. Да и рекомендуем старые, проверенные способы.

148 kg

95 kg

РЕКОМЕНДУЕМ! Не знаем, где впервые изобрели суп из томатного сока, но сотрудникам редакции его рецепт подарила наша гостья, журналистка из Чехословакии. Сок разбавить небольшим количеством кипяченой воды, добавить сахара и соли по вкусу, довести до кипения, но не кипятить. В горячий сок опустите тертый сыр (100 г на литр сока), немного чеснока, специи.

Салат из помидоров по-китайски: помидоры нарезают кружочками, толщиной 3 мм, складывают горкой в салатник или на тарелк, и посыпают... сахарным песком.

Клубничный санди: этот напиток обязан своим появлением властям американского штата Массачусетс: когда-то они запретили жителям штата употреблять по воскресеньям напитки, даже безалкогольные. Основой санди (а «санди» по-английски — «воскресенье») стало мороженое, которое разбавляли сиропами и украшали. Тем самым закон не был нарушен, потому что ведь это не «напиток»! Вот рецепт одной порции санди клубничного: на 50 г мороженого 50 г раздавленных ягод и 20 г клубничного сиропа. Украсить 2—3 целыми ягодами.

В этой статье будет рассказано о представителях самой новой английской рок-музыки, о тех, кто сейчас занимает ведущие места в таблицах популярности. (Для того чтобы сразу же снять вопросы и возражения некоторых наших читателей, которые могут сказать: «А вот в такой-то таблице в таком-то журнале другие имена», замечу: в качестве справочного материала пользуюсь данными, опубликованными английским рок-еженедельником «Нью мюзикл экспресс».)

Далее: с одним из тех, о ком будет здесь говориться, я знакома лично. Мы встречались в феврале этого года в Берлине на XVI Международном фестивале политической песни.

На фестивале было 50 музыкантов из 29 стран: от Австралии до Голландии и от США до Лаоса. Жанры: от народной песни до фри-джаза и от рока «новой волны» до политических зонгов Бертольта Брехта и Курта Вайля [1]. (Кстати, недавно в США вышел альбом с песнями Курта Вайля, в записи которого участвовали многие популярные рок-музыканты. Среди тех, кто работал над этим диском,— даже такой весьма спорный и далекий от политики музыкант, как Иэн Дьюри. На вопрос, почему он отдал свой голос этой пластинке, Иэн Дьюри, один из провозвестников панк-рока, заявил: «Нынешние времена что-то сильно попахивают фашизмом. Мне не нравится этот запах».)

Об участниках фестиваля и их песнях «Ровесник» будет рассказывать в следующих номерах (в этом номере, на последней странице обложки, мы публикуем песню почетного гостя фестиваля, американского певца и собирателя фольклора Пита Сигера).

Сейчас же речь пойдет об одном из английских музыкантов, приехавших в Берлин.

Пару лет назад в американском журнале я увидела фотографию парня в красной майке с надписью «СССР». В заметке, сопровождавшей снимок, говорилось: «В США на гастроли прибыл один из самых популярных сейчас в Англии авторов и исполнителей рок-песен Билли Брэгг. Его пластинка «Жизнь это сражение» стала «золотым диском» в 1983 году, новая пластинка «Заварим кашу с Билли Брэггом» также обещает стать «хитом» 1984 года...» Все понятно: рекламная заметка. Но почему тогда майка с надписью «СССР»? Такая рекламная фотография вряд ли может соблазнить определенную публику США, которой постоянно внушают, что «настоящий американец» не может симпатизировать СССР. Потом, просматривая в «Нью мюзикл экспресс» составленную по опросам критиков и слушателей таблицу самых популярных авторов и пластинок 1985 года, узнала, что Билли Брэгг входит в пятерку лучших исполнителей, а его сингл «Между войнами» — в десятке лучших.

А потом я увидела имя Билли Брэгга в списке участников Берлинского фестиваля.

На сцену театра «Фолькcбюнне» вышел коренастый рыжий парень в свитерке, джинсах, тяжелых туристских ботинках. Наладил электронные ударные, подключил гитару. Все. «Первая моя песня — «Иметь и не иметь» о том, что у нас, в Великобритании, живут две нации — богатые и бедные. Вторая песня, «Девушка-хлопотунья», о девушках, которые из кожи вон лезут, играя в красавиц. Третья — «Свободная пресса» — о том, что каждый, кто хочет составить объективное пред-

---

[1] *Курт Вайль (1900—1950) — немецкий композитор, антифашист, мировую известность принесла ему сатирическая «Трехгрошовая опера», обличающая современное буржуазное общество. С нее началось его сотрудничество с Бертольтом Брехтом, к пьесам которого Вайль писал песни и баллады. Вайль создал жанр остросатирической злободневной драмы с музыкой.— Прим. ред.*

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ РОКА?

О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

Н. РУДНИЦКАЯ,
наш спецкор

ставление о мире, свободно может купить газету, принадлежащую Мердоку, и свободно узнать, что думает о мире этот газетный магнат. Тот самый, который выкинул на улицу всех своих типографских рабочих, потому что установил новую компьютерную систему. Напоследок — «Между войнами». Раньше «между войнами» это было между первой и второй мировой, теперь — между второй и третьей. После первой обыватели и думать не хотели, что будет вторая. А теперь третья стоит у каждого порога, но обыватели так же прячут голову под крыло...» Через переводчика Билли растолковывает содержание своих песен слушателям, пришедшим на фестивальный концерт: ему важно, чтобы публика не просто слушала рок «новой волны», а понимала, о чем он поет.

Билли приехал в Берлин со своим менеджером Питером Дженнером. В том же «Нью мюзикл экспресс» Дженнера называют «легендарной фигурой рока»: он выводил в люди «Пинк Флойд», «Т. Рекс», «Клэш». Питер немолод, седоват и совсем не похож на акулу шоу-бизнеса. По его словам, «рок до той поры рок, пока он правдив. Рок-музыкант хватает слушателя за лацканы: эй, парень, я сейчас тебе что-то скажу, дай мне выговориться. Рок-музыкант может заблуждаться, но заблуждаться честно». Поэтому Дженнер берется работать только с теми музыкантами, в ком видит своих единомышленников. Например, Питер отказался стать менеджером Дэвида Боуи. Посмотрел, послушал и отказался: счел его рок позой, игрой. Отказался еще от целого ряда лестных предложений, чтобы работать с Билли Брэггом. Когда Питер от имени фирмы грамзаписи «Чаризма» подписал с Билли контракт, его чуть не выгнали: кому нужен этот рыжий горлопан и его песни, похожие на листовки?

Так было в начале восьмидесятых. Сейчас середина, и песни-листовки занимают ведущие места в таблицах популярности.

О тандеме Дженнер — Брэгг «Нью мюзикл экспресс» писал: «Менеджер, имеющий вкус, такая же редкая птица, как благовоспитанный полицейский. Совсем недавно автор и исполнитель рока, который не копается в своих личных переживаниях и всякой чепухе, а говорит во весь голос то, что и следует говорить во весь голос, тоже был редкостью. К счастью, теперь таких стало больше: рок снова становится роком».

Сам Билли считает рок-песню современным городским фольклором: «Я пою о том, о чем толкуют мои друзья и соседи». Билли родился (в 1957 году), вырос и продолжает жить в рабочем районе Лондона, Баркинге. О чем толкуют в Баркинге, о том и пел Билли на сцене театра «Фольксбюнне». Еще он сравнивает рок-песни с газетой, при этом журналисты не всегда успевают первыми: рок-музыканты, бывает, быстрее и точнее улавливают настроения молодежной аудитории. И эта скорость и точность реакции рок-музыкантов часто становится причиной негодования прессы: рок-музыканты вслух говорят о том, о чем пресса предпочла бы умолчать.

Так случилось со Стингом, знаменитым Стингом, бывшим лидером группы «Полис» («Ровесник» писал о ней в № 4 за 1982 год). Творчество «Полис» никогда вплотную не соприкасалось с политическими темами, а их музыка, хотя и интересная, все же считалась «музыкой для развлечений». Но в прошлом году Стинг выпустил сольную пластинку, на которой была песня «Русские» (одну из песен с этого диска «Ровесник» опубликовал в № 4 за этот год). Текст, на наш взгляд, не должен был бы вызвать особого удивления: в песне говорится о том, что русские не хотят третьей мировой войны, потому что у них тоже есть дети. Но это только на наш взгляд. Эта простая мысль, высказанная популярным певцом и киноактером, шокировала английскую публику. «Вы даже не представляете себе, насколько запрограммировано пропагандой сознание наших обывателей,— говорит Билли.— Поэтому и песня «Русские» вызвала такой неожиданный отклик: одни удивлялись, как такая простая мысль никогда не приходила им в голову. Другие негодовали и называли Стинга чуть ли не «агентом Москвы». Примером запрограммированности восприятия может быть и та грустная и смешная история, которая произошла с песней Брюса Спрингстина «Рожденный в США» (об этом «Ровесник» писал в № 6). Во время гастролей в США я выступал в студенческих кампусах,— продолжает Билли Брэгг.— Это правда, вы можете мне верить: студенты — студенты! — не знают, на чьей стороне вы были во время второй мировой войны. Их убедили, что русских надо бояться.

Поверьте, я объективен. Я не коммунист, более того, я отнюдь не уверен, что ваши взгляды во всем мне подходят. Но меня бесит ограниченность сознания, нежелание знать. Я приехал в Берлин, хочу съездить к вам, потому что хочу понять все сам».

Если вернуться к рассуждениям Билли о том, что рок-музыка может служить барометром настроений публики, то любопытно с этой точки зрения проанализировать последние британские хит-парады. Поразительная картина: прежде популярные «развлекатели» типа «Дюран-Дюран», группы, играющие «хэви метал», теперь внизу. Вверху: Билли Брэгг, Стинг, новый диск Пита Тауншенда, того самого «старичка» рока, бывшего лидера группы «The Who». Тауншенд отошел от музыки, создал издательство, выпускающее поэтические сборники (в предыдущем номере «Ровесника» мы опубликовали на последней странице обложки стихи молодых англичан о борьбе против апартеида. Эти стихи отдельным сборником выйдут именно в издательстве Тауншенда). Вернувшись к музыке, Тауншенд записал пластинку, посвященную Нельсону Манделе и борьбе патриотов Южной Африки.

Здесь же, в верхних строках таблиц,— новый диск старой супергруппы «Роллинг стоунз». Конечно, все, что выпускают эти «могикане» рока, независимо от качества, вызывает у публики ажиотаж. Но эта последняя пластинка «Грязная работа» — о грязной работе западных политиков, подталкивающих мир к войне. «Роллинг стоунз» еще никогда столь открыто не говорили о политике: такие опытные люди, как Мик Джеггер и его коллеги, не могут не реагировать на очевидную политизацию рок-музыки и вкусов публики.

Еще интересный момент в английской рок-музыке: один из критиков, разбирая песни группы «Мантроникс», посвященные положению английского рабочего класса, находит в текстах параллели с поэзией Маяковского, считая его высшим образцом, к которому должны стремиться рок-поэты. Для оформления обложек своих пластинок многие рок-музыканты пользуются сегодня мотивами, характерными для советских политических плакатов двадцатых годов.

Питер Дженнер рассказывал, что пару лет назад в Лондоне была выставка нашего искусства первых послереволюционных лет: «Модельеры ходили с блокнотами, срисовывали» (по Берлину Питер разгуливал в шапочке, похожей на буде-

На снимке из английского рок-еженедельника «Нью мюзикл экспресс»: вверху — Билли Брэгг, внизу — его коллега по организации «Красный клин» соул-певец Джуниор Джиском6.

новку, с красной звездой — шапочка английского производства). А недавно появилось сообщение, что популярное издательство «Пингвин» выпустило альбом «Политический плакат в СССР» и тираж, несмотря на дороговизну, разошелся сразу же.

В Берлинском доме молодых талантов висел плакат из «Окон РОСТА»: рабочий с молотом, а рядом, завалившись на бок, падает в преисподнюю пузатенький капиталист. Надпись по-русски: «Клином красным бей белых». Полтора года назад Билли Брэгг создал организацию, что-то вроде агитбригады, «Красный клин». Цель — «клином красным» вышибить правительство тори, агитировать молодежь голосовать на следующих парламентских выборах за лейбористов. Билли Брэгг говорит: «Хотя я и лейборист, у меня нет иллюзий по поводу внутренней политики нашей партии. Но лейбористы обещают убрать из Великобритании американские ракеты, а это уже дело». В «Красный клин» входят: знаменитый музыкант Роберт Уайатт («Ровесник» писал о нем в № 12 за 1980 год), Пол Уэллер, бывший лидер популярной группы «Джем» (см. «Ровесник» № 4 за 1982 год и № 7 за 1983 год). Теперь он лидер группы «Стайл каунсил», она также в первой десятке самых популярных. Из первой десятки в «Красном клине» — «Депеш мод» (читайте о них в этом номере в рубрике «Вопрос — ответ»), группы «Бананарама», «Латинский квартал», «Everything but the girl» (эта группа была у нас на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов; прошу прощения за то, что название даю по-английски: оно трудно поддается переводу. Буквально: «Все, кроме девушки», но могут быть и другие варианты), солисты Шаде Аду, Дэйв Стюарт, Джуниор Джискомб...

Майка с надписью «СССР», буденовка — все это может восприниматься лишь как внешнее, признак моды. Но, во-первых, всякая мода отражает вкусы и настроения определенных слоев общества. Во-вторых, участие в «Красном клине» для рок-музыкантов обходится недешево. Пример: недавняя провокация против работающей в «Красном клине» группы «Мэднесс». Газета «Сан» (принадлежащая тому самому магнату Мердоку) опубликовала заметку: вот, мол, какой же «Красный клин» прогрессивный, если «Мэднесс»... фашисты. Доказательства? Музыкант из «Мэднесс» учился в школе и в те времена приятельствовал с одним из нынешних лидеров фашистской партии «национальный фронт», приводится даже фотография: они сидят рядышком в веселой компании. Следовательно, «Мэднесс» — фашисты. «Мэднесс» подали на газету в суд, процесс скорее всего выиграют, но дело сделано, слово сказано, а вдруг за этим «что-нибудь да есть»?

Рок-музыкантов на протяжении всех тридцати лет существования этой музыки обвиняли во многих грехах, и порой не без оснований. Но такая провокация — изощренная, сугубо политическая — это, пожалуй, первый случай. Значит, нынешние тенденции в рок-музыке кажутся опасными тем, в чьих руках власть. Впрочем, история группы «Мэднесс» — это уже совсем другая история, и мы об этой группе предполагаем рассказать в одном из ближайших номеров.

Наверное, в материале, основой для которого послужили встречи на Берлинском фестивале политической песни, следовало бы больше сказать о самом фестивале, о том, как он был организован, о его атмосфере. Но, честно говоря, задело письмо в редакцию: «Вы все время ругаете рок-музыку. А если хвалите, то всякое старье...» И мне захотелось написать именно о новом в роке, а об английском потому, что рок все-таки англо-американская музыка.

Напоследок немного об американском роке. В прошлом номере мы опубликовали статью о Брюсе Спрингстине. Когда материал уже был отправлен в набор, мы получили результаты опросов публики по лучшим музыкантам 1985 года. Брюс Спрингстин и его серьезные, злободневные песни — снова на первом месте. На втором — бывший музыкант из ансамбля Спрингстина, а ныне лидер собственной группы Стиви Ван Зандт, организатор кампании рок-музыкантов «Сан-Сити», направленной против расизма и апартеида.

На Западе настоящему року и настоящим любителям рок-музыки сегодня не до пустых развлечений. Что будет дальше — покажет время.

Берлин — Москва

СНАЧАЛА — ЧЕЛОВЕК

Адриан ГАЙГЕС,
западногерманский журналист

Мюнхен. По студии, где записывается музыкальная передача, нервно бегает звукорежиссер Ингольф Люк, предчувствуя капризы очередной звезды. Вводят Стиви Уандера. Именно вводят: он слеп от рождения.

Стиви садится за фортепиано и начинает играть. После первых тактов на его лице появляется улыбка, выражение смягчается. Волосы Стиви заплетены в тонкие косички, собранные в пучок и обвязанные золотой лентой. На нем темные очки.

Как он преодолевает свое несчастье — это я начинаю понимать потом, когда мы говорим с ним в отеле. Его любимое слово «воля». С малых лет он старался развить в себе слух, осязание. Когда ему было пять лет, он играл в «отгадывателя монет»: родственники и знакомые бросали монету на кухонный стол, а Стиви угадывал по звуку, что это за монета. Он научился, запомнив расположение клавиш, печатать на машинке, зрение старался заменить слухом. «Я и не знал никогда, что значит «видеть», я все воспринимал на слух...» Он пел, барабанил по стаканам и тарелкам, играл на губной гармошке. Он вылетел из церковного хора за то, что пел рок-н-ролл. В двенадцать лет он уже выпустил свою первую пластинку.

И вот он сидит напротив меня, человек, который все делает сам: он певец, он играет на большинстве музыкальных инструментов, он композитор, поэт, аранжировщик и продюсер своих пластинок. В работе он не щадит себя, он говорит:

— Я объективный человек. И свои пластинки оцениваю тоже объективно. Я слушаю их, и они мне не нравятся. Поэтому они никогда не выходят вовремя...

Его страсть к совершенству не раз доводила до отчаяния фирмы грамзаписи и менеджеров. Его последний диск «В квадрате круга» должен был выйти в свет в начале 1984 года,

потом выпуск отодвинули на ноябрь, а вышла пластинка только в октябре 1985 года. На ней (как и на всех его предыдущих) объединены вещи самых разных стилей. Хит «Любовник на время» напоминает традиционный черный бит, тут же есть роковая вещь «Страна ла-ла» и песня против апартеида «Это неправильно», написанная в африканских ритмах.

— Я против строгого разграничения музыкальных стилей,— говорит Стиви.— Поп, рок и соул...— Он повышает голос и щелкает пальцами, изображая тех, кто любит раскладывать музыку по полочкам.— Сыграй-ка мне типичного Стиви Уандера, сыграй-ка мне типичного Майкла Джексона...

С 1981 года я выступаю за то, чтобы 15 января, день рождения Мартина Лютера Кинга, был объявлен в США национальным праздником.— Он почитает Мартина Лютера Кинга, борца за гражданские права, человека, боровшегося за равноправие черных в США и убитого наемным убийцей.— Я видел свою задачу в том, чтобы побудить людей подписывать петиции, я обратился к конгрессу...— В 1981 году сто пятьдесят тысяч человек отправились в Вашингтон, чтобы потребовать от конгресса увековечить память Мартина Кинга.— Мы добились своего,— говорит Стиви с гордой улыбкой.— В этом году 15 января впервые отмечалось в США как национальный праздник.

Он всегда боролся за расовое равноправие в США. Когда его награждали премией «Грэмми» за песню «Я зову, чтобы сказать тебе, что я люблю тебя», он заявил о своей солидарности с южноафриканским борцом за свободу Нельсоном Манделой. После этого его песни были запрещены в Южной Африке.

Я спрашиваю Стиви, как он относится к движению за мир. Он говорит:

— Я участник движения против смерти. Война — это болезнь, которая разрушает человека. Я слышал от многих людей — особенно в Японии — об ужасах войны.

На пресс-конференции журналист говорит ему, что песни протеста 60-х годов не оказали влияния на сознание общества. Стиви качает головой:

— Очень многое изменилось во многих из нас. Все больше людей понимают — нужен мир без войны, без голода. И не когда-то в будущем, а сейчас! Это новое появившееся в людях сознание доказывает, что политические усилия были не напрасны... Опасность того, что мы не выживем, так велика, что люди чувствуют необходимость объединиться и что-то делать...

Через несколько часов я сижу в номере Стиви. Стиви играет. Он расположился между усилителями, компьютерами и иными электронными приборами. Его правая рука скользит по клавиатуре, левая нажимает кнопки и тумблеры до тех пор, пока не рождаются звуки, которые ему нужны. Таков Стиви. Все знают, что он иногда работает в студии по три дня без перерыва.

И сила его не только в том, что он хочет преодолеть свою слепоту. С малых лет он должен был бороться за себя, потому что родился черным в Америке.

— Были времена, когда фирмы грамзаписи не хотели видеть черные лица на конвертах пластинок,— замечает он.— Но я надеюсь, что кое-что все же меняется.

Стиви не согласен с тем, что черные музыканты должны приспособиться к белому музыкальному рынку.

— Африканская музыка — это часть американской культуры. Все, что мы играем сегодня, основывается на Африке, на африканских ритмах, на ударе африканского барабана. Границы в музыке все еще перетекают, и это хорошо. Мы, черные и белые, должны учиться друг у друга.

Он этим и занимается, даже сегодня здесь, в Мюнхене. На пресс-конференции баварец в кожаных шортах поет ему серенаду. Стиви подхватывает и поет с тирольскими йодлями. Потом возвещает:

— На моей следующей пластинке вы услышите этот номер...

Стиви много работает с компьютером. Он усмехается:

— Мне доставляет удовольствие программировать разные звуки. Есть ведь звуки, невозможные для человека. Я никогда бы не мог быть водопадом или птицей — с помощью компьютера я могу создать и этот звук.

На диске «В квадрате круга» Стиви использует новое устройство, которое изменяет его голос. И все-таки он говорит:

— Синтезатор — это потом. А сначала — человек, который сочиняет что-то на основе звуков, которые слышит.

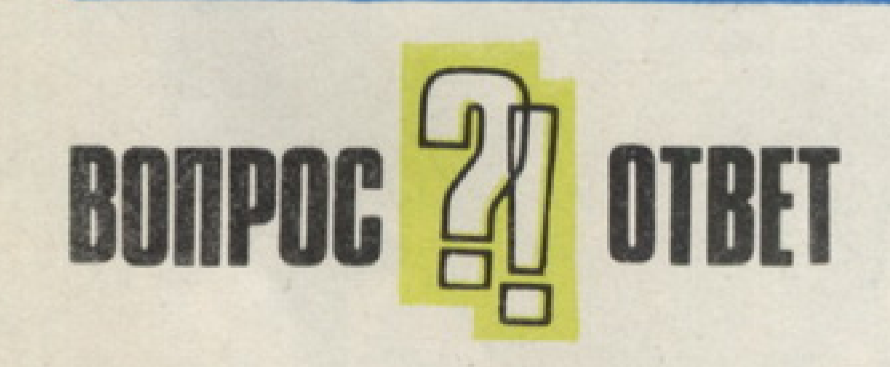
И он больше не хочет работать в одиночку, лишь с компьютером — ему нужен теперь оркестр!

— Я чувствую себя счастливым и когда работаю с электроникой, и когда с другими людьми...

Я могу видеть это в тот же день, вернее, в ту же ночь. В двенадцать Стиви в своем номере начинает джем-сейшн с музыкантом из Австрии, который передвигается только в креслекаталке. И это после того, как он целый день давал интервью и записывался на телевидении. «Да разве он человек как все,— качает головой один из его знакомых, присутствующих на джем-сейшн.— Если б он был обычным человеком, он всетаки должен был бы хоть изредка что-нибудь есть...»

Но Стиви не слышит. Он играет с австрийцем блюз...

Перевел с немецкого А. ШАВЕРДЯН

Мне и моим друзьям очень хотелось бы узнать о группе «Депеш мод».

Вадим Агарелов, г. Рига

Первая пластинка группы «Депеш мод» вышла в 1981 году. Тогда в состав группы входили Эндрю Флетчер, Дэвид Гэан, Мартин Гор и Винс Кларк. Все играли на синтезаторах, электронных ударных, а также и на более традиционных инструментах — гитарах, барабанах. Стиль группы определился сразу — электронный рок с явным танцевальным уклоном. Песни на первом диске отличались мелодичностью, грамотной аранжировкой и... совершенно пустыми текстами. Вскоре Винса Кларка, который, отколовшись от «Депеш мод», организовал дуэт «Язу», сменил Алан Уайлдер.

Надо сказать, что, несмотря на коммерческий успех первого диска, группа не пошла по проторенной дорожке. И хотя в музыке по-прежнему преобладала электроника, тексты песен уже были рассчитаны скорей на слушающую публику, чем на танцующую: группа стала обращаться к серьезным темам. Сейчас «Депеш мод» активно участвует в антивоенном движении, выступает против расизма, безработицы, группа поддержала забастовку английских горняков. Мне кажется, что «Депеш мод» — один из лучших образцов электронного рока.

Прошу мне сообщить, если можно, имена королей (и группу, участником которой он является) бас-гитары, соло, ритм-гитары, клавишных инструментов, ударных инструментов. Кто стоит на первом, втором и третьем местах?

А. Антипов, г. Степногорск

Можно-то можно, да невозможно, поскольку общепринятой табели о рангах инструменталистов не существует. Дело в том, что в конце каждого года ведущие музыкальные издания либо сами называют лучшего инструменталиста в разных категориях, либо просят сделать это своих читателей. Имена эти, естественно, каждый год меняются, и у всех изданий они, как правило, разные. Так что определить «абсолютного монарха» по части, скажем, соло-гитары или какого-либо другого инструмента невозможно. Да и нужно ли это! В конце концов, каждый истинный любитель музыки предпочитает того или иного исполнителя, руководствуясь своим собственным вкусом.

ВОПРОС ?! ОТВЕТ

Насколько дней назад нам в руки попал любопытный материал... В статье утверждалось, что Пол Маккартни «погиб в автомобильной катастрофе в 1966 году и был заменен талантливым двойником...» Мы всему этому не верим, не можем поверить. Пожалуйста, напишите обо всем в своем журнале.

Ольга Петруха, г. Киев

Подобные слухи, касающиеся и других музыкантов, как правило, курсируют в среде, далекой от подлинного интереса к искусству. И возникают они, а точнее, создаются теми, в том числе и журналистами, кто специализируется на распродаже сенсаций. Мне тоже попадались в некоторых зарубежных изданиях, рассчитанных на нетребовательных читателей, «доказательства» гибели Пола Маккартни. Но «сделаны» они были невероятно грубо, явно в расчете на тех, кто склонен верить сенсационным слухам.

Любопытно, что после Пола Маккартни чаще всех «умирал» и «разбивался в автокатастрофах» гитарист Ричи Блэкмор, который, кстати, тоже жив-здоров.

Мне очень нравится американский певец Принс... Только если собираетесь о нем написать плохо — лучше совсем не пишите.

Александр Антипов, г. Таллин

Это удивительно, как часто, обращаясь в «Ровесник» с просьбой рассказать о том или ином полюбившемся ансамбле или солисте, читатели ждут лишь подтверждения своего мнения. Но тогда зачем интересоваться мнением других! Ведь только в сопоставлении различных мнений вырисовывается истина. Тем не менее попробую учесть ваше требование, ограничившись «сухой» информацией.

Первые пластинки этого негритянского певца, гитариста, композитора, аранжировщика и продюсера («Для тебя», «Принс», «Грязные мысли», «Противоречие») были, если так можно сказать, поиском своего стиля, и внимание к ним было не столь велико. Готовя следующую пластинку, «1999», Принс также не очень рассчитывал на успех. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в США «1999» вышла двойным альбомом, а экспортный — для Англии — вариант представлял собой «выжимку», уместившуюся на одном диске. Но именно с этого диска и начинается взлет Принса, наивысшая точка которого — пластинка 1984 года «Пурпурный дождь» (музыка к одноименному фильму).

Недавно по телевидению был показан дуэт из ФРГ «Модерн токинг». Не могли бы вы рассказать поподробнее о творчестве этих музыкантов?

Н. Воробьева, Н. Сырова, г. Горький

Дуэт «Модерн токинг» был создан в 1983 году, в его состав входят Дитер Болен и Томас Андерс. Первая песня — «Ты мое сердце, ты моя любовь» принесла им успех, с тех пор вышли три диска. Вот что пишет о «Модерн токинг» западногерманский журнал «Штерн»: «Дуэт был сознательно сконструирован по законам музыкального рынка. Шеф концерна «Ганза», в который входят фирма грамзаписи и нотное издательство, говорит о критериях, по которым были отобраны музыканты: «Томас — это меланхолично-мистический молодой человек с темными длинными волосами и карими глазами. Дитер, напротив, светловолосый нордический скандинавский тип».

Автор всех песен дуэта Дитер Болен говорит о своей музыке так: «Это песни одноразового пользования. В лучшем случае их можно сравнить с новым средством для стирки, которое, быть может, стирает чуть лучше, чем другие».

Впрочем, скоро вы сами сможете судить о творчестве дуэта: фирма грамзаписи «Мелодия» выпускает лицензионный диск «Модерн токинг».

Л. ЗАХАРОВ

Рис. Н. БЕНУА

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Дэвид БИШОФ,
американский писатель

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Он стрелой кинулся за посетителями. Те уже шли к выходу, затем стали усаживаться в автобус. Дэвид торопливо пробрался к задним сиденьям и спрятался за спины.

Завыла сирена.

Длиннолицый парень примерно одного с Дэвидом возраста повернулся к нему.

— Не знаешь, что случилось?

— Не-а,— коротко бросил Дэвид.

— А ты кто? Я тебя не видел на экскурсии.

— Русский шпион.

Парень рассмеялся.

— Ясно. А я — новое американское секретное оружие.

Автобус дернулся с места и покатил к воротам.

...Пожилой водитель грузовика неотрывно смотрел на дорогу, черной змеей уползавшую к горизонту. Трейлер подобрал Дэвида на границе штата. Они ехали молча уже почти час. Перебирая события последних дней, Дэвид думал, как все изменилось. Да, мир уже никогда не будет для него таким, как прежде. Все оказалось куда сложнее, чем представлялось.

До сих пор Дэвид Лайтмен считал себя изолированным от окружающих, живущим сам по себе. И вдруг оказалось, что он — соучастник и всегда был соучастником происходящего, частицей большого мира. Один шаг, совершенный из глупого самодовольства, привел в действие цепь событий, грозивших увлечь в бездну миллионы людей. И все из-за того, что ему захотелось поиграть в войну!

— У тебя нет ни сумки, ни вещей? — неожиданно спросил водитель.

— Гм... понимаете... у меня украли...

Мужчина покосился на Дэвида.

— А ты, часом, не сбежал из дома?

— Что? — заерзал Дэвид на продранном сиденье.

— Не удрал от родителей? Выглядишь ты совсем желторотым.

— И верно,— вздохнул Дэвид.— Меня ни в одном баре не обслуживают.

Какое-то время они катили молча. Водитель поглядел в зеркало заднего вида на свой огромный контейнер.

— Полиция! — вдруг сказал он.

— Что? — встрепенулся Дэвид.

— Двое остановили меня в Иллинойсе. Клянусь, они выглядели, как семиклассники, не старше!

Дэвид с облегчением откинулся на сиденье.

— Где будешь выходить?

— А какой здесь ближайший город?

— Гранд-Джанкшен.

— Подойдет,— сказал Дэвид.

Водитель пожал плечами и вновь погрузился в молчание.

— Дженифер? Это я, Дэвид,— сказал далекий голос в трубке.— Дэвид Лайтмен.

— Поняла, поняла. Откуда ты говоришь?

— Из Колорадо.

— Тебя не было в школе. Впрочем, ты немного потерял...

— Слушай, Дженифер. Мне неудобно просить, но дело чрезвычайной важности. У тебя есть деньги?

— Деньги? Есть немного. Давай встретимся...

— Нет, ты не поняла. Мне надо, чтобы ты купила мне билет на самолет из Гранд-Джанкшен в Колорадо до Сейлема в Орегоне. Я знаю, это связано с хлопотами, но сейчас не могу тебе всего объяснить.

Дженифер помолчала, приходя в себя от удивления.

— А что ты делаешь в Колорадо? Я заходила к вам, родители чем-то жутко озабочены, но не сказали, в чем дело.

— Потом расскажу, Дженифер,— произнес далекий голос.— Сейчас просто не могу. Ты выполнишь просьбу?

— Дэвид, я не миллионерша!

— Знаю. Наверное, тебе придется одолжить у кого-нибудь. Но, Дженифер, ты единственный человек, которому я могу довериться!

— Конечно, Дэвид. Постараюсь сделать все, что надо,— ответила она, с удивлением чувствуя, сколько души вкладывает в эти слова.

— Спасибо, Дженифер. Да, еще вот что — билет купи на фамилию Джонс... Справишься?

— Дэвид Лайтмен,— улыбнулась девушка,— тебя ждет сюрприз. Готовься.

В обычные дни в Хрустальном дворце стояла сдержанная, мрачновато-скучная атмосфера. Сейчас она сменилась хаосом: нервы у всех были напряжены до крайности.

Генерал Берринджер, распустив галстук и закатав рукава, подумал, не велеть ли принести еще одну чашку кофе: минувшей ночью довелось спать всего три часа. А тут еще этот мальчишка Лайтмен удрал, показав кукиш крупнейшей в мире военной системе!

На табло значилось СТОГ 3.

— Сэр! — К нему подошел офицер-связист.— Мы только что получили телекс из госдепартамента.

— Прочтите.

— Советский Союз отрицает факт военных приготовлений. Русские спрашивают, чем объясняются провокации с нашей стороны.

— А это что? — рявкнул генерал, указывая на карту.— Наша система уже не имитирует их атаку. Это проверено!

— Так точно, сэр,— ответил офицер и, козырнув, двинулся к своей консоли.

Генерал Берринджер вздохнул. Пожалуй, надо все же выпить кофе.

Сидя у своего терминала, оператор первого класса Роланд Мур внимательно изучал картинку на мониторе. На экране вдруг замелькали помехи. Он немедленно щелкнул тумблером и набрал несколько цифр на консоли. «Этого не должно быть»,— с тревогой подумал он, поворачиваясь к соседу.

— Эд, проверь регулировку антенны на 0-84. Я потерял изображение.

Эд нажал несколько кнопок на своей клавиатуре.

— Я тоже потерял картинку.

— Надо доложить генералу.

— Сэр, мы перестали получать сигналы с двух спутников раннего обнаружения. Это либо неисправность... либо они сбиты.

«Надо будет плеснуть виски в кофе»,— подумал генерал.

Машина ОПРУ играла в войну. Микросхемы против микросхем. Едва уловимо гудели приборы, сухо постукивали реле. Казалось, это Смерть прищелкивает костяшками пальцев в такт похоронному маршу.

Первыми, кого Дэвид увидел при входе в здание Сейлемского аэровокзала, были двое полицейских. Ноги у Дэвида стали ватными. Они еще не успели заметить его. Куда свернуть? Что делать...

Кто-то схватил его за локоть.

Дэвид подскочил, едва не заорав. Рядом с ним стояла как обычно свеженькая и хорошенькая Дженифер Мак.

— Привет! Я так рада, что ты добрался! — Она обняла его и чмокнула в щеку.— Мы так беспокоились, вдруг что-то сорвется. Тетя Альма уже звонила в авиакомпанию. Я попросила у отца машину и приехала утром к ней. Сказала, что должна встретиться с одноклассником... Пошли, у меня машина с другой стороны.

— Я не могу идти через здание. Там полиция. Я вляпался в жуткую историю, Дженифер.

— Знаю, Дэвид. К нам приходили вчера вечером из ФБР и допрашивали меня.

Продолжение. Начало в № 2—6.

Они прошли сквозь автоматически открывающиеся двери.

— Не надо было тебе приезжать, Дженифер.

— Что значит — не надо! Ведь это все из-за того, что ты исправил мою отметку!

— Нет... Позже объясню. У тебя нет карты? — спросил Дэвид, когда они подошли к машине.

— Есть, конечно. Куда мы едем?

— На остров Андерсон.

— А что там такое? — спросила Дженифер, открывая дверцу.

— Расскажу по дороге.

Все время, что они ехали к Тихоокеанскому побережью, Дэвид пытался объяснить Дженифер суть происшедшего.

— Выходит, я ошиблась, да? — сказала она.— Им удалось обнаружить, кто баловался с их военной программой... Но мы же не нарочно, Дэвид!

Дорога шла мимо фермерских угодий.

— Ты не сказал им, что это была моя идея — шарахнуть бомбой по Лас-Вегасу? — спросила она.

— Если бы я им сказал, они бы схватили тебя.

— Но тебя же они не схватили.

— Схватили, только я удрал от них. Они считают, что я шпион.

— Ты — шпион?! Не болтай.

— Честное слово. Этот малый, Маккитрик, про которого я рассказывал, уверен, что я был игрушкой в руках красных. Он не желает признать, что его машины сели в лужу.

— А зачем нам понадобился остров Андерсон?

— Когда я сидел в кабинете Маккитрика, мне удалось поработать с его компьютером... он не был отключен.

— И они оставили тебя одного?

— У них явно стряслось какое-то ЧП... Так вот, я смог вновь поговорить с Джошуа. Он-то и сказал мне, что Фолкен не умер! И дал его адрес — остров Андерсон. До того, как звонить тебе, я попытался дозвониться до него — он сейчас носит другую фамилию, Роберт Хьюм. В справочнике не значится... Ну, остальное ты знаешь.

— Как же так? Мы же читали некролог! Зачем они это придумали?

— Думаю, это «ширма». Когда такие блестящие ученые, как Фолкен, уходят из военного ведомства, им дают другую фамилию, новые документы, потому что они слишком много знают. Но Джошуа всегда говорит правду. Нам нужен Фолкен. Только он их убедит...

— Да, но ведь военные обязаны понимать, что происходит. Это же их система!

— В том-то все и дело,— ответил Дэвид.— Они не знают про Джошуа. Только Фолкен. Ему одному известно, чтó способна совершить эта программа. Сейчас она старается победить в игре, которую мы с ней затеяли, старается по-настоящему. Ты веришь мне, Дженифер?

— Да... Бред какой-то! Почему ты не сказал Джошуа, что, если он начнет войну, будут убиты миллионы людей?

— В него не заложены чувства и переживания.

— Но ты же сказал, что он запрограммирован на самообучение.

— Это — машина. Она напичкана военными играми. И она должна сыграть по-настоящему.

— Значит, единственный, кто может остановить Джошуа, это Стивен Фолкен, его родитель?

— Не знаю... Самое поганое, что меня эти дуралеи не станут слушать. Они не понимают, куда могут завести их собственные машины. Глаза у них смотрят в одну точку, они готовы поверить, что русские атакуют. Похоже, им даже хочется, чтобы русские напали. Это какое-то сумасшествие!

— Самовнушенное предвидение,— заметила Дженифер.— Мы проходили это по психологии.

— Точно,— отозвался Дэвид.— И знаешь, Дженифер, поневоле задумаешься, а кто сделал мир таким, каким мы его застали? Мы ведь росли с уже готовым сознанием, что великие державы ненавидят друг друга, что они в состоянии разнести мир на куски. Но вряд ли мы понимаем, чтó это значит в действительности.

— Да, но ведь нам надо быть готовыми к отпору. Русские хотят захватить весь мир!

— Именно это нам и твердят! — махнул рукой Дэвид.— И почему-то забывают, что русским приходится иметь дело со страной, которая уже сбрасывала атомную бомбу на людей. Дважды. В Хиросиме и Нагасаки.

— Никогда не думала об этом.

— Смотри. В мире есть две великие державы, накопившие столько оружия, что могут уничтожить друг друга — и заодно всю остальную планету — не один десяток раз. Кроме того, ядерные силы есть еще у нескольких стран. Мы живем на пороховом погребе. А я случайно поджег фитиль.

— Ты же не знал, Дэвид! Не стоит корить себя.

— Не стоит? А где же начинается ответственность?

— Фитиль просто лежал и ждал первого встречного.

— Это не снимает с меня ответственности, Дженифер. Я закрутил машину, теперь мне надо сделать все возможное, чтобы остановить ее. Я оказался тем поганцем, который вечно суется куда не надо.

— Ты не поганец, Дэвид. Ты мне нравишься.

— Спасибо, Дженифер,— мягко улыбнулся Дэвид.— Ты не представляешь, как помогают такие слова.

Где-то после полудня они добрались до места.

Андерсон был самым крупным из трех островов, расположенных поблизости от орегонского побережья, туда ходил паром. Дженифер решила оставить машину на стоянке у пирса: денег у нее было немного, а проезд без машины стоил значительно дешевле. Дэвиду было все равно, ему не терпелось поскорее попасть на остров.

Едва паром причалил к дебаркадеру, Дэвид и Дженифер бросились на остров, опережая машины и остальных пассажиров. До этого девушка пустила в ход свои чары, чтобы узнать дорогу у сурового на вид капитана.

— Прямо по Лесной,— буркнул он, почесывая густую спутанную бороду.— Пройдете с полмили и увидите узкий проулок. Это и есть Кедровая дорога.

Они шли по самому настоящему лесу, лишь изредка между стволами деревьев мелькала вода. Пахло свежестью и чистотой. Жаль, что они приехали сюда только за тем, чтобы выследить пропавшего Стивена Фолкена, мелькнуло у Дэвида.

А вдруг они на ложном пути? Что, если Фолкен действительно умер, оставив в памяти машины ошибочную программу? Ладно, они хотя бы погуляют с Дженифер по сказочному острову.

— Вот она,— сказала Дженифер, указывая на выгоревшую покосившуюся стрелку «Кедровая дорога».

— Пошли. Здесь будет спуск к морю,— обрадовался Дэвид, ускоряя шаг.

Пройдя еще с полмили, они дошли до высоченного забора на бетонных столбах, который окружал обширное владение. Забор был рассчитан на то, чтобы устоять при сильном циклоне. У ворот висел обшарпанный почтовый ящик с полустершейся фамилией владельца: «Д-р Хьюм».

Рот Дэвида расплылся до ушей.

— Все на месте! — воскликнул он.

— Потрясно! Только как мы попадем туда? — спросила Дженифер, трогая тяжелый замок на воротах.— Это тебе не электроника!

Дэвид на всякий случай тоже подергал замок. Надежный. Кнопки звонка нигде не видно.

— Эй! — крикнул он.

Никакого ответа.

— Попробуем обойти со стороны океана,— предложил юноша.

Грязь хлюпала у них под ногами, запах соли и тины стал гуще; кроссовки у Дэвида промокли, и ступни застыли от холода. Дженифер храбро шествовала впереди, выбирая места посуше. Глядя на нее, Дэвид видел уже не просто смешливую хорошенькую девочку-подростка — нет, глядя, как морской бриз раскидывает ее шелковистые волосы, он ощутил совершенно незнакомое доселе чувство.

Темнеющее небо вдруг прочертила какая-то масса. Она пронеслась совсем низко над головой Дженифер. «Чайка?» — мелькнуло у Дэвида. Нет. Гораздо крупнее.

Девушка качнулась и оступилась по щиколотку в грязь.

— Дженифер! — крикнул Дэвид, остолбенело уставившись на летящую фигуру.

Фигура имела кожаные крылья добрых два с половиной метра в размахе, чешуйчатое тело рептилии и заостренную,

похожую на ножницы, голову. Она в точности походила на птерозавра. Но этого же не может быть, лихорадочно думал Дэвид, птерозавры вымерли миллионы лет назад. Куда они попали — в Затерянный мир?!

— Пойдем-ка,— произнес Дэвид, удивляясь собственному спокойному тону,— поищем укрытие.

Дженифер молча повиновалась. Держась за руки, перепрыгивая с камня на камень, они устремились к лесу.

Фигура развернулась и вновь понеслась к ним.

— Дженифер, ложись! — завопил Дэвид, толкая ее в грязь. Сам он попытался ударить птерозавра кулаком, но промахнулся.

Летающая рептилия набрала высоту и начала кружить над склоном, усеянным крупными валунами.

— Ушла,— сказал Дэвид, помогая девушке встать.

— Кто это был?

Дэвид не отрываясь следил за кружившим чудовищем.

— Птеро что-то. Птеродактиль, птеронодон. Одним словом, птерозавр,— бормотал он.— Но кто бы он ни был, это не мо...

Переведя взгляд на вершину откоса, он увидел человека. Тот держал какую-то коробку. Летающее создание спланировало к человеку, и тот схватил его за ноги. Крылья опали.

— Да это же модель!

— Что? — спросила Дженифер, тоже заметив человека. Тот начал ловко спускаться вниз.

— Он управляет ею по радио! Пошли, Дженифер, надо поговорить с этим малым.

Взявшись за руки, они заторопились ему навстречу. Незнакомец уже ждал их на берегу. На нем был плащ из темного водонепроницаемого материала, в одной руке он держал свернутого птерозавра, в другой — коробку управления.

— Приветствую вас,— сказал странный человек, окидывая их многозначительным взглядом. Выражение его лица при этом оставалось абсолютно холодным.— Мне очень жаль, что мы с Терри доставили вам несколько неприятных минут. Забавная игрушка, не правда ли? — Его английский акцент почти стерся за годы жизни среди янки, но эксцентричность поведения и полное пренебрежение к условностям сохранились. Он постучал пальцем по пластмассовой голове модели.— Подумать только, было время, когда эти красавцы стаями кружили в небе.

— Доктор Хьюм, если не ошибаюсь? — церемонно осведомилась Дженифер.

— Ага, я вижу, вы успели ознакомиться с моим почтовым ящиком. Какая прелесть,— он ласково потрепал свое создание.— Вы слышали, специалисты по аэронавтике утверждают, будто птерозавры не могли летать? Однако, как видите, они летают, и довольно успешно. Правда, я еще не смог решить проблему взлета и посадки. Но предполагаю, что они срывались вниз с насестов наподобие летучих мышей.— Он с надеждой взглянул на молодых людей.— Один из вас случайно не палеонтолог?

— Нет,— сказал Дэвид.

— Значит, вы намеренно нарушили границу? — спросил д-р Хьюм, не скрывая разочарования.— Вы находитесь в моем владении, а я вас не приглашал.

— Вы Стивен Фолкен, правда ведь? — восторженно произнесла Дженифер. Дэвид тоже ощущал прилив радости. Поэтому для него было шоком, когда человек, нахмурившись, круто повернулся и пошел прочь.

— Здесь начинается тропинка, по которой вы доберетесь до ограды,— сухо произнес он, останавливаясь и указывая на выложенную камнями дорожку.— Пройдя вдоль ограды, увидите ворота. Рядом с ними — калитка. Открыв ее, вы покинете мое владение. И проследите, пожалуйста, чтобы замок захлопнулся. Если вы поторопитесь, то еще успеете на паром в шесть тридцать.

— Профессор Фолкен,— сказал Дэвид, идя за ним.— Мне нужна ваша помощь!

— Стивен Фолкен ничем не может помочь вам. Стивен Фолкен мертв как пень, и не намерен, гремя костями, появляться в саване.

— Профессор...— произнес Дэвид.— Я пришел из-за Джошуа.

Хьюм-Фолкен замер. Потом резко повернулся; ребята уловили в его взгляде нечто совершенно новое: удивление.

— Вы имеете в виду победителя в битве при Иерихоне?

— Нет, сэр,— ответил Дэвид.— Не его. И не вашего погибшего сына. Я говорю о компьютерной программе.

— Ага,— глубокомысленно протянул собеседник.— Силы небесные, в каком вы виде! У меня дома случайно есть две ванные, махровые простыни и чистая одежда как раз вашего размера. Да и перекусить не мешает? Полагаю, да,— кивнул он им, приглашая следовать за собой.— После этого вы соблаговолите мне поведать, каким образом двое детей пронюхали о сверхсекретной программе.

Дженифер улыбнулась, Дэвид с облегчением вздохнул, и оба бодро зашагали к дому профессора Стивена Фолкена.

Оператор радарной установки Адлер бросил две таблетки в стакан с водой, стоящий на специальном выступе сбоку от консоли. Его пищевод снедала изжога. Предвкушая облегчение, он поднес стакан к губам, и тут в Хрустальном дворце завыла сирена.

Поставив стакан на место, Адлер рывком передвинулся к экрану.

— Взгляни, что творится,— прошептал один из его помощников.

На радарном экране через Аляску двигались две светлые точки.

— Проверь исправность,— приказал Адлер.

— Уже сделано,— ответил Джонс.— Степень достоверности высока. Это по-настоящему. Опознавательная система указывает: НЕИЗВЕСТНЫЕ. Это не наши, Адлер.

Адлер затолкал поглубже страх и нажал кнопку вызова командного мостика.

— Принят сигнал тревоги. Радары показывают два неизвестных — повторяю, неизвестных — объекта в пределах Аляскинской зоны обороны. Профиль полета напоминает советские бомбардировщики.— Последнее было его предположением, но он обязан был доложить хоть что-то.

— Запросите визуальное подтверждение,— повернулся генерал Берринджер к полковнику Конли.— Вышлите перехватчики, пусть посмотрят.

— Они уже в воздухе, генерал,— доложил лейтенант Догерти.

— Переводите на СТОГ 2,— скривился генерал Берринджер.— И свяжите меня с командиром звена перехватчиков. Я буду сам с ним говорить!

Командир звена Билл Джонсон наблюдал из кабины, как впереди, сквозь разрывы облаков, голубеет небо. Он слегка постучал пальцем по экрану локатора. Картина не изменилась.

— Хрустальный дворец,— сказал он в ларингофон,— докладывает Дельта Фокстрот два-семь. У меня отрицательный радарный контакт. Повторяю — отрицательный. Советских машин не обнаружил.

В уши ворвался громкий голос, настолько громкий, что ему пришлось прикрутить уровень.

— Два-семь, говорит Стальной Шлем. Они прямо перед вами. Вы немного выше их!

Билл Джонсон покачал головой и снова взглянул на экран. Эти парни там, в подземелье, должно быть, рехнулись. Вздохнув, он повторил:

— Стальной Шлем, у нас совершенно пусто. Кусок синего неба.

Лицо генерала Берринджера густо побагровело.

— Дьявольщина! Вот же они, ползут у нас на экранах. Что они — невидимки? Должно быть...

Генерал осекся. Две неизвестные точки на большом центральном экране повернули на запад — и исчезли.

— Что происходит? Уму непостижимо! — просипел генерал.

Джошуа продолжал уточнять свой план идеальной мировой войны.

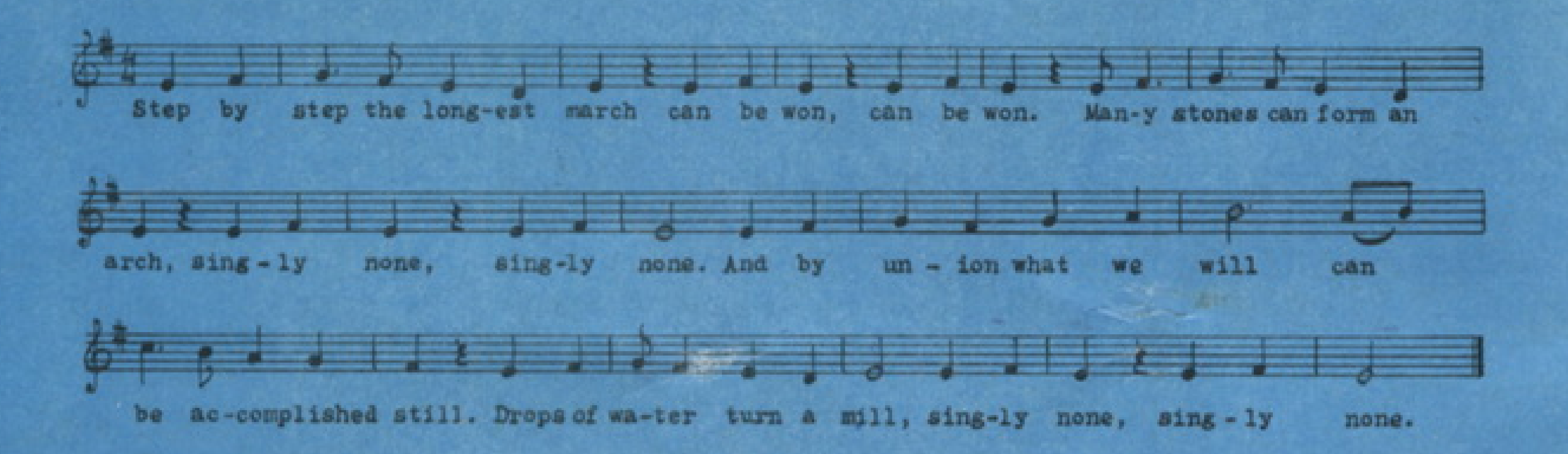
Соединенные Штаты должны выиграть.

Джошуа был запрограммирован только на выигрыш.

Теперь у него появился шанс.

Перевел с английского М. МАШИН

Продолжение следует

XVI Международный берлинский фестиваль политической песни совпал в этом году с двадцатилетним юбилеем «Октобер-клуба» — зачинателя и организатора широкого движения самодеятельной песни в ГДР. Гостем фестиваля был знаменитый американский певец Пит Сигер — «Октобер-клуб» считает его своим наставником, потому что двадцать лет назад Сигер участвовал в первых концертах самодеятельной песни.

Сигер участвовал и во многих (всего их было около сорока) концертах последнего фестиваля. Одну из исполненных им песен мы предлагаем вам: ирландскую народную песню «Шаг за шагом».

«Шаг за шагом можно преодолеть длинный путь. Свод можно возвести из многих камней, но не из одного. А то, к чему мы стремимся, может быть достигнуто только единством: мельничное колесо вращают множество капель воды, а не одна».

«Певцы всего мира,— говорил Пит Сигер на пресс-конференции,— должны объединить свои голоса. И этот могучий хор, я уверен, сможет остановить тех, кто толкает человечество к войне».

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. Тогда, 29 лет назад, эта береза в Парке Дружбы, что раскинулся вдоль Ленинградского шоссе столицы, была тонким прутиком, а посадивший ее юноша — единственным представителем молодого поколения Никарагуа на VI Всемирном фестивале в Москве. Деревце выросло и возмужало, а юноша навечно остался молодым, отдав жизнь за любимую Никарагуа. Звали его Карлос Фонсека Амадор. Снимок на первой странице обложки сделан в дни XII Всемирного фестиваля: почтить память национального героя Никарагуа Карлоса Фонсеки пришли его земляки и сверстники, отстаивающие сегодня свободу и независимость своей родины от злобных нападок империализма США.

Фото Е. СТЕЦКО

В НОМЕРЕ:

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 12.05.86. Подписано в печ. 13.06.86. А07740. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 110.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.